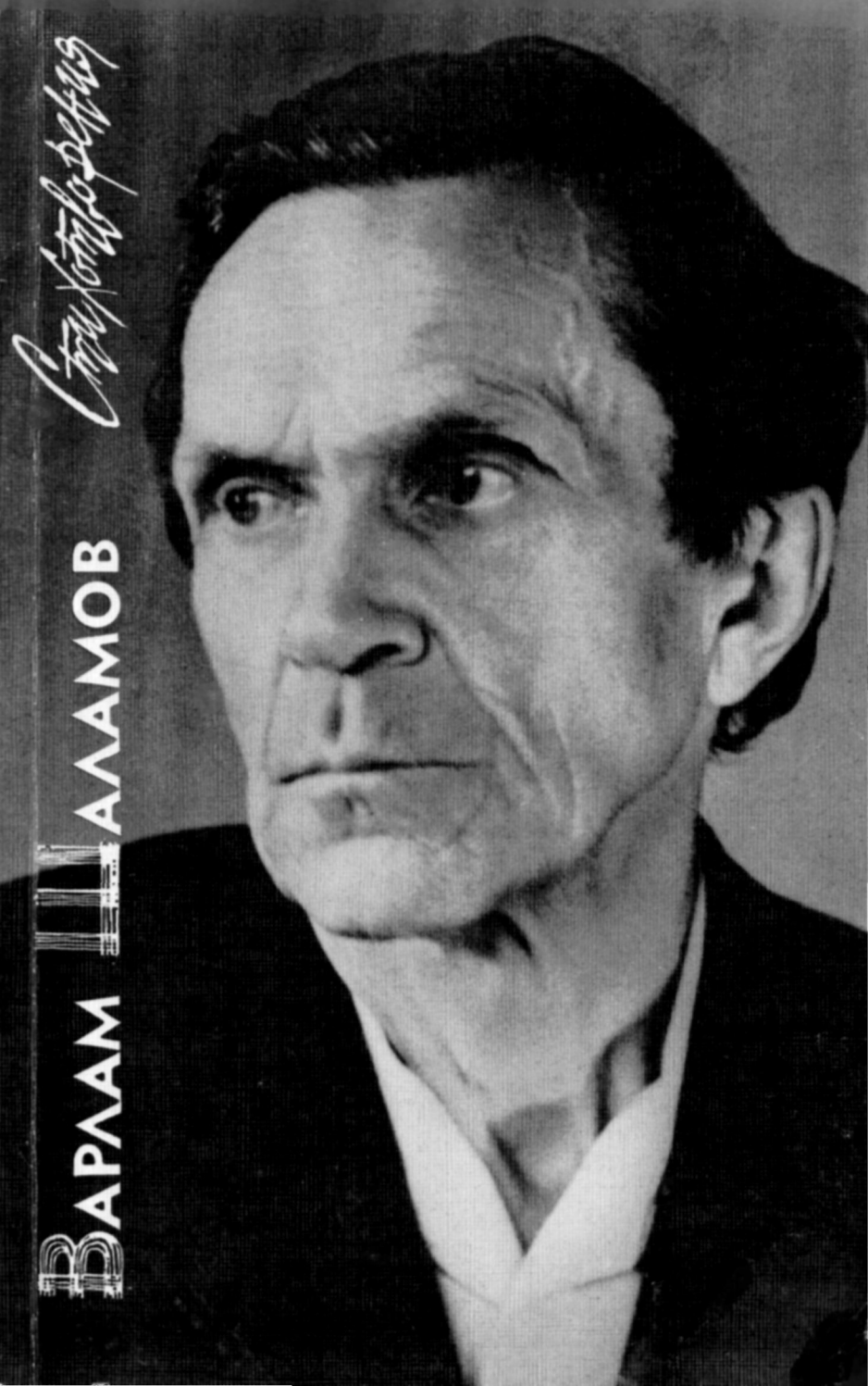

БАРАМ

АААМОБ

Степан Степанович

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ

Стужина

Москва
Советский писатель
1988

ББК 84 Р7
Ш 18

Художник Алексей ТОМИЛЛИН

4702010202—352
Ш 083(02)—88 246—88
ISBN 5—265—00085—2

© Издательство «Советский писатель», 1988.
Стихи, отмеченные в содержании звездочкой.

Несколько моих жизней

Я пишу стихи с детства. Мне кажется, что я писал стихи всегда. И все же...

Мне пятьдесят семь лет. Около двадцати лет я провел в лагерях и в ссылке. По существу, я еще не старый человек, ибо время останавливается на пороге того мира, где я провел двадцать лет. «Подземный» опыт не увеличивает общий опыт жизни — «там» все масштабы смещены, и знания, приобретенные «там», для «вольной жизни» не годятся. Мне не трудно вернуться к ощущениям детских лет. Колыму же я никогда не забуду. И все же это жизни разные. «Там» я не всегда писал стихи. Мне приходилось выбирать между жизнью и стихами и делать выбор (всегда!) в пользу жизни.

Я хорошо помню первую мировую войну, «германскую» войну, телеги с новобранцами, пьяными, «Последний нынешний денечек», немецких военнопленных, переловивших всех городских голубей. С 1915 года голубь перестал считаться священной птицей в Вологде. Оба моих брата были на первой войне. Второй брат, красноармеец химической роты, убит на фронте во время гражданской войны. Отец ослеп после смерти сына и целых тринадцать лет еще жил — слепым...

Случилось так, что в жизни моей не было человека, который открыл бы мне поэзию, русскую поэзию, который прочел бы со мной живым языком живые стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Я двигался ощупью от книги к книге медленным и неэкономным

путем. Хлебников стал моей потребностью раньше, чем Пушкин, Северянин — раньше, чем Блок, раньше Асеев, чем Анненский. Не говоря уже о вершине русской поэзии — Тютчеве. Не было в моей юности человека, который научил бы меня любить стихи. Этим человеком бывает школьный учитель, старший брат, отец, мать. Мама моя могла бы это сделать, как я догадывался позже, когда думал о ней уже после самой последней разлуки. Мама моя была человеком крайне тонкой, нервной организации. Помню, она не могла сдерживать слез, слушая музыку — всякую музыку, не исключая и самой бравурной. Симфонический оркестр, рояль и скрипка приводили ее в трепет, почти к истерии. Мама моя знала бесконечное количество стихов — главным образом классиков. Всевозможные стихотворные цитаты хранились в маминой памяти на все случаи жизни, — я думаю, что стихи играли в ее жизни роль очень большую и вполне реальную.

Стихи в маминой памяти закреплялись как жизненные наблюдения, но не как музыкальные аккорды. Мама и не пыталась понять тайну воздействия искусства на человека.

Не отличая минора от мажора, мама плакала. Тогда было время явления детекторных приемников, гигантских антенн. Я хотел поставить ящик с наушниками в комнату мамы.

— Нет, нет. Я буду целый день плакать.

Через много лет мне рассказывал Пастернак, что не может в кино смотреть крупный план — слезы текут неудержимо.

— Лошадь какую-нибудь покажут в кинохронике, а я реву навзрыд.

Внезапные слезы взрослого человека не такая уж редкость...

Я хорошо помню февральскую революцию — как легко рухнул огромный чугунный орел, повязанный канатами и сорванный с фронтона мужской гимназии.

Помню и октябрьский переворот — в Вологде более будничным, чем свержение самодержавия, но в то же время и более значительный по разговорам взрослых, по тревоге общей...

Я хорошо помню Кедрова — командующего фронтом, помню его вагон. Помню латышей — в синих галифе, танцующих в городском саду без дам, друг с другом...

Едва кончив готовить уроки, я принимался за таинственную игру... щепками, спичечными коробками и разыгрывал про себя Гоголя, Пушкина и особенно Гюго и Александра Дюма...

Этот театрализованный пересказ всего прочитанного длился все детство. Отцовский книжный шкаф всегда был в моем распоряжении. Впрочем, Александр Дюма был не из этого шкафа.

В 1918 году были конфискованы помещичьи библиотеки и создана на месте городской тюрьмы в центре города рабочая библиотека. Год знакомства с этой библиотекой был очень ярок для меня. Дюма, Конан Дойл, Майн Рид, Виктор Гюго — все в золотых переплетах — ждали меня каждый день. Я читал и переплетал все прочитанные романы подряд.

Помню бывшие в большой моде антирелигиозные диспуты. Я сам был участником этих диспутов. Мой отец — слепой священник — ходил сражаться за бога. Сам я лишен религиозного чувства. Но отец мой был верующим человеком и эти выступления считал своим долгом, нравственной обязанностью. Я водил его под руку, как поводырь. И учился крепости душевной...

В 1926 году был впервые объявлен прием в вуз по свободному конкурсу. Была, стало быть, возможность проявить себя и получить высшее образование.

Два года работы дубильщиком на кожевенном заводе (в г. Сетуни, под Москвой) и ликвидатором неграмотности не могли сказаться благотворно на успехах моего конкурсного экзамена...

Надо было жить экономно, пробыться лето, проучиться до осенних экзаменов, ничего не покупать, найти дешевую столовую, за квартиру не платить, достать билет в библиотеку, а главное — поступить на курсы подготовки в вуз.

Курсы были платные и довольно дорогие — что-то рублей сорок мне пришлось отдать за право учиться на них. На этих курсах можно было и ночевать — на тех же столах, где мы учились...

Я был принят в университет...

Москва тогдашних лет просто кипела жизнью. Вели бесконечные споры о будущем земного шара...

В Московском университете, сотрясаемом теми же волнами, диспуты были особенно остры. Всякие решения правительства обсуждались тут же, как в конвенте...

То же было и в клубах. В клубе Трехгорки пожилая ткачиха на митинге отвергла объяснение финансовой реформы, которое дал местный секретарь ячейки.

— Наркома давайте, а ты что-то непонятно говоришь.

И нарком приехал — заместитель наркома финансов Пятаков — и долго объяснял разъяренной старой ткачихе, в чем суть реформы...

Эти споры велись буквально обо всем. И о том, будут ли духи при коммунизме... И о том, существуют ли общие жены в фаланге Фурье... Нужна ли адвокатура, нужна ли поэзия, живопись, скульптура, и если нужна — то в какой форме...

Нам казалось недостаточным видеть, знать, жить. Нам хотелось действовать самим, пока не прошли сроки бессмертия...

Жизнь моя поделилась на две классические части — стихи и действительность. Я писал стихи, ходил в литературные кружки, занимался — вошел в это время в молодую Лэф, несколько раз был в «Красном студенчестве» у Сельвинского... встречался с Сергеем Михайловичем Третьяковым — «фактографистом».

Сергей Михайлович Третьяков, высокий, узкогрудый, был человеком решенных вопросов. Он и знать не хотел о каких-то сомнениях. Хочешь работать — научим, поможем, не хочешь — вот тебе бог и вот порог.

Научиться у него работе журналиста было можно... Поэтов ни будущих, ни настоящих Третьяков не любил. Он и сам был не поэт, хотя сочинял стихи и даже целую поэму «Рычи, Китай», переделанную потом в пьесу. На Малую Бронную ходил я недолго из-за своей строптивости и из-за того, что мне было жалко стихов — не чьих-нибудь стихов, а стихов вообще. Стихам не было места в «литературе факта»...

— А что бросается в глаза раньше всего, когдаходишь в комнату?

— Зеркала, — сказала я.

— Зеркала? — раздумывая, спросил Третьяков. — Не зеркала, а кубатура.

Я работал тогда в радиогазете «Рабочий полдень».

— Вот, — сказал Сергей Михайлович, — напишите для «Нового Лефа» заметку «Язык радиорепортера». Я слышал, что надо избегать шипящих и так далее. Напишите?

— Я, Сергей Михайлович, хотел бы написать по общим вопросам, — робко забормотал я.

Узкое лицо Третьякова передернулось, и голос его зазвенел:

— По общим вопросам мы сами пишем.

Больше я на Малой Бронной не бывал. Избавленный от духовного гнета «Левого фронта», я яростно писал стихи о дожде и солнце, обо всем, что в Лефе запрещалось...

На две части, две стороны распадалась всегда моя жизнь, с самого далекого детства...

Первая — это искусство, литература. Я уверен был, что мне суждено было сказать свое слово... и именно в литературе, в художественной прозе, в поэзии.

Вторая была — участие в общественных сражениях тогдашних, невозможность уйти от них, при моем главном (кредо) — соответствии слова и дела...

19 февраля 1929 года я был арестован. Я работал на Березниках... Берзин звал меня на Колыму, на колонизацию края, но я отказался. У меня были другие планы...

Вернулся в Москву в 1932 году и крепко стоял на всех четырех лапах. Стал работать в журналах, писать, перестал замечать время, научился отличать в стихах свое и чужое. Каленым железом старался все чужое вытравить. Писал день и ночь. Думал над рассказом, над его возможностями и формой. Научился, как казалось мне, понимать, зачем нужен дождь в рассказе «Мадемуазель Фифи» Мопассана. Написал 150 сюжетов рассказов, не использованные еще, около 200 стихотворений. Увы, жена тогдашняя моя мало понимала в стихах и рассказах и сберегла напечатанное и не сберегла написанного, пока я был на Колыме...

Я понял также, что в искусстве места хватит всем

и не нужно тесниться и выталкивать кого-то из писательских рядов. Напиши сам, свое... Я написал несколько рассказов, и их охотно напечатали... Я набирал силу. Стихи писались, но не читались никому. Я должен был добиться прежде всего «лица необщего выражения». Готовилась книжка рассказов. План был такой: в 1938 году первая книжка — прозы. Потом вторая книжка. Сборник стихов.

Я тогда как жил? Напишу, редакционной машинистке продиктую — «Броня — первая птица!» — подписываю, адрес ставлю и несу в редакцию — журнала, газеты — в этом нет различия. Секретари отвечали обычно: зайдите через неделю. Я заходил через неделю и получал ответ — всегда положительный. Так было с «Колхозником» горьковский, с «Октябрем», с «Прожектором», с «Гудком», с «Ленинградской правдой», с «Вокруг света», в любом журнале петушье слово действовало безотказно, я даже и понять не мог, как это могут рассказы не принять, не считал такой случай для себя возможным. Такая была уверенность, твердость руки такая. Казалось, нашел уже тон, зачин и стиль и действовал с «лица необщим выраженьем».

Этот способ действовал безотказно: сто процентов попадания. Для себя, про себя я считал тогда, что не только талант скажется, но и биография скажется всегда и из-за моей спины продиктует, напишет моим пером все, что нужно...

В ночь на 12 января 1937 года в мою дверь постучали...

С первой тюремной минуты мне было ясно, что никаких ошибок в арестах нет, что идет планомерное истребление целой «социальной» группы — всех, кто запомнил из русской истории последних лет не то, что в ней следовало запомнить...

С 1937 года по 1956 год я был в лагерях и ссылке. Условия Севера исключают вовсе возможность писать и хранить рассказы и стихи — даже если бы «написалось». Я четыре года не держал в руках книги, газеты. Но потом оказалось, что стихи иногда можно писать и хранить. Многое из написанного — до ста стихотворений — пропало безвозвратно. Но кое-что сохранилось. В 1949 году я, работая фельдшером в лагере, по-

пал на «лесную командировку» — и все свободное время писал: на обороте старых рецептурных книг, на полосках оберточной бумаги, на каких-то кулках.

В 1951 году я освободился из заключения, но выехать с Колымы не смог. Я работал фельдшером близ Оймькона в верховьях Индигирки, на полосе холода, и писал день и ночь на самодельных тетрадах.

В 1953 году я уехал с Колымы, поселился в Калининской области на небольшом торфопредприятии, работал там два с половиной года агентом по техническому снабжению. Торфяные разработки с сезонниками «торфушками» были местом, где крестьянин становился рабочим, впервые приобщался к рабочей психологии. Там было немало интересного, но у меня не было времени. Мне было больше 45 лет, я старался обогнать время и писал день и ночь — стихи и рассказы. Каждый день я боялся, что силы кончатся, что я уже не напишу ни строки, не сумею написать всего, что хотел.

В 1953 году в Москве я встретился с Пастернаком, который незаслуженно высоко оценил мои стихи, присланные ему в 1952 году.

Осенью 1956 года я был реабилитирован, вернулся в Москву, работал в журнале «Москва», писал статьи и заметки по вопросам истории культуры, науки, искусства.

Многие журналы Союза брали у меня стихи в 1956 году, но в 1957 году вернули все назад. Только журнал «Знамя» напечатал шесть стихотворений «Стихи о Севере».

В 1958 году в журнале «Москва» № 3 опубликовано пять моих стихотворений...

В издательстве «Советский писатель» в 1961 году вышел небольшой сборник «Огниво»...

Написал несколько десятков рассказов на северном материале, десятка два очерков.

Проза будущего кажется мне прозой простой, где нет никакой витиеватости, с точным языком, где лишь время от времени возникает новое, впервые увиденное — деталь или подробность, описанная ярко. Этим деталям читатель должен удивиться и поверить всему рассказу...

Что касается стихов, то космос поэзии — это ее точность, подробность. Ямб и хорей, на славу послужившие лучшим русским поэтам, не использовали и в тысячной доле своих удивительных возможностей. Плодотворные поиски интонации, метафоры, образа — безграничны...

Вот почти все, что мне хотелось сказать. Это — не автобиография... Это — литературная нить моей судьбы.

1964

I

Из „КОЛЫМСКИХ ТЕТРАДЕЙ“

1 Стихи 1937-1956 годов

СТЛАНИК

Л. Пинскому

Ведь снег-то не выпал. И, странно
Волнуя людские умы,
К земле пригибается стланик,
Почувствовав запах зимы.

Он в землю вцепился руками,
Он ищет хоть каплю тепла.
И тычется в стынущий камень
Почти неживая игла.

Поникли зеленые крылья,
И корень в земле — на вершок!..
И с неба серебряной пылью
Посыпался первый снежок.

В пугливом своем напряженье
Под снегом он будет лежать.
Он — камень. Он — жизнь без движенья,
Он даже не будет дрожать.

Но если костер ты разложишь,
На миг ты отгонишь мороз, —
Обманутый огненной ложью,
Во весь распрямляется рост.

Он плачет, узнав об обмане,
Над гаснущим нашим костром,

Светящимся в белом тумане,
В морозном тумане лесном.

И, капли стряхнув, точно слезы,
В бескрайность земной белизны,
Он, снова сраженный морозом,
Под снег заползет — до весны.

Земля еще в замети снежной,
Сияет и лоснится лед,
А стланик зеленый и свежий
Уже из-под снега встает.

И черные, грязные руки
Он к небу протянет — туда,
Где не было горя и муки,
Мертвящего грозного льда.

Шуршит изумрудной одеждой
Над белой пустыней земной.
И крепнут людские надежды
На скорую встречу с весной.

* * *

Я жаловался дереву,
Бревенчатой стене,
И дерева доверие
Знакомо было мне.

С ним вместе много плакано,
Переговорено,
Нам объясняться знаками
И взглядами дано.

В дому кирпичном, каменном
Я б слова не сказал,
Годами бы, веками бы
Терпел бы и молчал.

* * *

Не дождусь тепла-погоды
В ледяном саду.
Прямо к богу черным ходом
Вечером пойду.

Попрошу у бога места,
Теплый уголок,
Где бы мог я слушать песни
И писать их мог.

Я б тихонько сел у печки,
Шевелил дрова,
Я б выдумывал без свечки
Теплые слова.

Тают стены ледяные,
Тонет дом в слезах.
И горят твои ночные
Влажные глаза.

* * *

Все те же снега Аввакумова века,
Все та же раскольничья злая тайга,
Где днем и с огнем не найдешь человека,
Не то чтобы друга, а даже врага.

* * *

Луна, точно снежная сойка,
Влетает в окошко ко мне
И крыльями машет над койкой,
Когтями скребет по стене.

И бьется на белых страницах,
Пугаясь людского жилья,
Моя полуночная птица,
Бездомная прелесть моя.

Серый камень

Моими ли руками
Построен город каменный?
Ах, камень, серый камень,
Какой же ты беспмятный!

Забыл каменотесов
Рубахи просмоленные,
Тебя свели с утесов
Навек в поля зеленые.

Твое забыли имя
Не только по беспечности,
Смешали здесь с другими
И увели от вечности.

Наверх

В пути на горную вершину,
В пути почти на небеса,
Вертятся вслед автомашины
И в облака плывут леса.

И через горные пороги,
Вводя нас молча в дом земной,
Ландшафты грозные дорога
Передвигает предо мной.

Хребты сгибающая тяжесть
На горы брошенных небес,
Где тучи пепельные вяжут
И опоясывают лес.

Скелеты чудищ допотопных,
Шестисотлетних тополей,
Стоят толпой скалоподобной,
Костей обветренных белей.

Во мгле белеющие складки
Гофрированной коры
Годятся нам для плащ-палатки
На случай грозовой поры.

Все вдруг закроется пожаром,
Огня дрожащего стеной,
Или густым болотным паром,
Или тумана пеленой.

И, наконец, на повороте
Такая хлынет синева,
Обнимет нас такое что-то,
Чему не найдены слова,

Что называем снизу небом,
Кому в лицо сейчас глядим,
Глядим восторженно и слепо,
И скалы стелются под ним.

А горный кряж, что под ногами,
Могильной кажется плитой,
Он — вправду склеп, в нем каждый камень
Унижен неба высотой.

Картограф

Картограф выбрался на гору.
Ночные звезды шевеля, —
На высоту свою, с которой
Чужою выглядит земля.

Картограф горы ловит в клетку,
Он землю ловко захлестнет
Географической сеткой
Меридианов и широт.

Затем, чтобы магнитным ухом
Прослушать внутренность земли,
Ей распороть бурами брюхо,
Сюда разведчики пришли.

Придут небритые мужчины
На этот меченый простор,
Чтоб стали резкими морщины
На потемневших лицах гор.

Он у ветров тайги учился
Деревьям косы заплетать,
Он мясом с птицами делился
И ястребов учил летать.

Он у ручьев в грозу с дороги
Большие камни убирал,
Чтоб не сломать о камни ноги
Ручьям, бегущим возле скал.

Он добирался до истоков,
Где открывает ключ реку,
Чтобы она лилась потоком
И к морю вынесла струку...

Земля поставлена на карту
И перестала быть землей,
Она лежит на школьной парте,
Не узнаваемая мной.

* * *

Сыплет снег и днем и ночью.
Это, верно, строгий бог
Старых рукописей ключья
Выметает за порог.

Все, в чем он разочарован —
Ворох песни и стихов, —
Увлечен работой новой,
Он сметает с облаков.

Каменя

На склоне гор, на склоне лет
Я выбил в камне твой портрет.

Кирка и обух топора
Надежней хрупкого пера.

В страну морозов и мужчин
И преждевременных морщин

Я вызвал женские черты
Со всем отчаяньем тщеты.

Скалу с твоею головой
Я вправил в перстень снеговой.

И, чтоб не мучила тоска,
Я спрятал перстень в облака.

* * *

Чем ты мучишь? Чем пугаешь?
Как ты смеешь предо мной
Хохотать, почти нагая,
Озаренная луной?

Ты как правда — в обнаженье
Останавливаешь кровь.
Мне мучительны движенья
И мучительна любовь...

* * *

Модница ты, модница,
Где ты теперь?
Как живется, ходится,
Гуляется тебе?

По волнам бегущая
Через все моря,
Любимая, лучшая,
Милая моя.

В море ли, на острове,
В горе ли, в беде —
Платья твои пестрые
Видятся везде.

Следом горностаевым
Прыгаешь в снегах,
Со снежинкой, тающей
На сухих губах.

Брезгуя столицами,
В летнюю грозу
Скачешь синей птицею
По ветвям в лесу.

И на перьях радуга,
И в слезах глаза...
Повидаться надо бы
Донельзя — нельзя!

* * *

Не гляди, что слишком рано,
Все равно нам спать пора.
Завели басы бурана
И метели тенора.

От симфоний этих снежных,
Просвистевших уши мне,
Никогда не буду нежным,
Не доверюсь тишине.

* * *

В этой стылой земле, в этой каменной яме
Я дыханье зимы сторожу.
И лежу, как мертвец, неестественно прямо
И покоем своим дорожу.

Нависают серебряной тяжестью ветви,
И метелит метель на беду.
И в глубоком снегу, в позабытом секрете,
И не смены, а смерти я жду.

Баратынский

Мы втроем нашли находку —
Одиноким рваным том,
Робинзоновой походкой
Обходя забытый дом.

Мы друзьями прежде были,
Согласились мы на том,
Что находку рассудили
Соломоновым судом.

Предисловье — на сигарки, —
Первый счастлив был вполне
Неожиданным подарком,
Что приснится лишь во сне.

Из страничек послесловья
Карты выкроил второй —
Пусть на доброе здоровье
Занимается игрой.

Третья часть от книги этой —
Драгоценные куски —
Позабывшего поэта
Вдохновенные стихи.

Я своей доволен частью
И премудрым горд судом,
Это было просто счастьем —
Заглянуть в забытый дом.

* * *

Визг и шелест ближе, ближе,
Завивается снежок.
Это к нам идет на лыжах
Снеговой якутский бог.

Добрый вечер, бог метели,
Ты опять, как в прошлый раз,
Нас запрешь на две недели,
От лихих укроешь глаз.

Хлопья снега птичьей стаей
За тобой вослед летят.
Визг метели нарастает,
И густеет снегопад.

Детское

Поднесу я к речке свечку —
И растает лед.
Больше мне, наверно, нечем
Удивить народ.

Это сделать очень просто,
Если захочу.
Лишь свеча бы в речку ростом,
Речка — со свечу.

Август

Вечер. Яблоки литые
Освещает черный сад,
Точно серьги золотые,
На ветвях они висят.

Час стремительного танца,
Листьев, вихрей ветровых,
Золоченого багрянца
Неба, озера, травы.

И чертят тревожно птицы
Над гнездом за кругом круг —
То ли в дом им возвратиться,
То ли тронуться на юг.

Медленно темнеют ночи,
Еще полные тепла.
Лето больше ждать не хочет,
Но и осень не пришла.

* * *

Сотый раз иду на почту
За твоим письмом.
Мне теперь не спится ночью,
Не живется днем.

Верю, верю всем приметам,
Снам и паукам,
Верю лыжам, верю летом
Узким челнокам.

Верю в рев автомобилей,
Бурных дизелей,
В голубей почтовых крылья,
В мачты кораблей.

Верю в трубы пароходов,
Верю в поезда,
Даже в летнюю погоду
Верю иногда.

Верю я в олени нарты,
В путевой компас
У заиндевшей карты
В безысходный час.

В ямщиков лихих кибиток,
В ездовых собак,
Хладнокровию улиток,
Лени черепах.

Верю шучьему веленью,
Стынущей крови,
Верю своему терпенью
И твоей любви.

* * *

Февраль — это месяц туманов
На северной нашей земле.
Оптических горьких обманов
В морозной блистающей мгле.

Я женской фигурой каждой
Как встречей чудесной смущен.
И точно арктической жаждой
Мой рот лихорадкой сожжен.

Не ты ли сошла с самолета,
Дороги ко мне не нашла.
Стоишь, ошалев от полета,
Еще не почувствовав зла.

Не ты ли, простершая руки
Над снегом, над искристым льдом,
Ведешь привиденье разлуки
В заснеженный маленький дом.

* * *

Скоро мне при свете свечки
В полуденной тьме
Греть твои слова у печки,
Иней на письме.

Онемело от мороза
Бедное письмо.
Тают буквы, точат слезы
И зовут домой.

* * *

Я, как рыба, плыву по ночам,
Поднимаясь в верховья ключа.
С моего каменистого дна
Мне небес синева не видна.

Я не смею и двинуться дном
Разговорчивым, сумрачным днем.
И, засыпанный донным песком,
Не могу шевельнуть плавником.

Пусть пугает меня глубина,
Я, пока пролетает волна,
Постою, притаившись в кустах,
Пережду набегающий страх.

Так, течению наперерез,
Поднимаюсь почти до небес,
Доплыву до истоков реки,
До истоков моей тоски.

* * *

Память скрыла столько зла —
Без числа и меры.
Всю-то жизнь лгала, лгала,
Нет ей больше веры.

Может, нет ни городов,
Ни садов зеленых,
И жива лишь сила льдов
И морей соленых.

Может, мир — одни снега —
Звездная дорога.
Может, мир — одна тайга
В пониманье бога.

* * *

Ты капор развяжешь олений,
Ладони к огню повернешь,
И, став пред Огнем на колени,
Ты песню ему запоешь.

Ты молишься в мертвом молчанье
Видавших морозы мужчин.
Какого-нибудь замечанья
Не сделает здесь ни один.

* * *

Не откроем песне двери,
Песня нынче не нужна.
Мы не песней горе мерим
И хмелеем без вина.

Камнем мне на сердце ляжет
Гул тяжелый хоровой.
Песни русская протяжность,
Всхлипы, аханье и вой...

* * *

Засыпай же, край мой горный,
Изогнув хребет.
Ночью летней, ночью черной,
Ночью многих лет.

Чешет ветер, как ребенку,
Волосы ему,
Светлой звездною гребенкой
Разрывая тьму.

И во сне он, как собака,
Щурит лунный глаз,
Ожидая только знака
Зарычать на нас.

* * *

Не старость, н е т , — все та же юность
Кидает лодку в валуны
И кружит в кружеве бурунов
На гребне выгнутой волны.

И развевающийся парус,
Как крылья чайки, волны бьет,
И прежней молодости ярость
Меня бросает все вперед.

Огонь, а не окаменелость
В рисунке моего герба, —
Такой сейчас вступает в зрелость
Моя горящая судьба.

Ее и годы не остудят,
И не остудят горы льда,
У ней и старости не будет,
По-видимому, никогда...

* * *

Зима уходит в ночь, и стужа
От света прячется в леса,
И на пути в дорожных лужах
Вдруг отразились небеса.

И дым из труб, врезаясь в воздух,
Ослабевая в высоте,
Уже не так стремится к звездам,
И сами звезды уж не те.

Они теперь, порою вешней,
Не так, как прежде, далеки,
Они, как горы наши, — здешни
И неожиданно мелки.

Весною мы гораздо ближе
Земле — и теплой и родной,
Что некрасивой, грязной, рыжей
Сейчас встречается со мной.

И мы цветочную рассаду
Тихонько ставим на окно —
Сигнал весне, что из засады
Готова выскочить давно.

* * *

Чтоб торопиться умирать,
Достаточно причины,
Но не хочу объектом стать
Судебной медицины.

Я все еще люблю рассвет
Чистейшей акварели,
Люблю луны латунный свет
И жаворонков трели...

* * *

Цветка иссушенное тело
Вторично встретилось с весной,
Оно худело и желтело,
Дрожа под коркой ледяной.

Все краски смыты, точно хлором
Белили пестрые цветы,
Остались тонкие узоры —
Растенья четкие черты...

И у крыльца чужого дома
Цветок к сырой земле приник —
Обыкновенная солома,
Что может вспыхнуть каждый миг.

Суриков.
«Утро стрелецкой казни»

В предсмертных новеньких рубахах,
В пасхальном пламени свечей
Стрельцы готовы лечь на плаху
И ожидают палачей.

Они — мятежники — на дыбе
Царю успели показать
Невозмутимые улыбки
И безмятежные глаза.

Они здесь все одной породы,
Один другому друг и брат,
Они здесь все длиннобороды,
У всех один небесный взгляд.

Они затем с лицом нездешним
И неожиданно тихи,
Что на глазах полков потешных
Им отпускаются грехи.

Пускай намыливают петли,
На камне точат топоры,
В лицо им бьет последний ветер
Земной нерадостной поры.

Они с пророком Пустосвятом
Увидят райский вертоград,
Они бывалые солдаты
И не боятся умирать.

Их жены, матери, невесты
Бесслезно с ними до конца,
Им место здесь — на Лобном месте,
Как сыновьям, мужьям, отцам...

Замешены на том же тесте,
Поют раскольничьи стихи,
Твердят слова любви и мести
И исповедуют грехи.

Суриков.
«Боярыня Морозова»

Попрощаться с утренней Москвою
Женщина выходит на крыльцо.
Бердыши тюремного конвоя
Отражают хмурое лицо.

И широким знаменьем двуперстым
Осеняет шапки и платки.
Впереди — несчитанные версты
И снега, светлы и глубоки.

Перед ней склоняются иконы,
Люди — перед силой прямоты
Яростно земные бьют поклоны
И рисуют в воздухе кресты.

И над той толпой порабощенной,
Далеко и сказочно видна,
Непрощающей и непрощенной
Покидает торжище она.

Точно бич, раскольничье распятье
В разъяренных стиснуто руках,
И гремят последние проклятья
С удаляющегося возка.

Так вот и рождаются святые —
Ненавидя жарче, чем любя.
Ледяные волосы седые
Пальцами сухими теребя.

Перевод с английского

В староверском доме я читаю Шекспира.
Толкованье улыбок, угрозы судьбе.
И стиху откликается эхо Псалтыри
В почерневшей, продымленной, темной избе.

Я читаю стихи нараспев, как молитвы.
Дочь хозяина слушает, молча крестясь
На английские страсти, что еще не забыты
И в избе беспоповца гостят.

Гонерилье осталась изба на Кубани.
Незамужняя дочь разожгла камелек.
Тут же сушат белье и готовится баня.
На дворе леденеют туши кабаньи...

Облака, как верблюды, качают горбами
Над спокойной, над датской землей.

* * *

Он из окон своей квартиры
С такой же силой, как цветы,
Вдыхает затхлый воздух мира,
Удушье углекислоты.

Удушье крови, слез и пота,
Что день-деньской глотает он,
Ночной таинственной работой
Переплавляется в озон.

И, как источник кислорода, —
Кустарник, чаща и трава, —
Растут в ночи среди народа
Его целебные слова.

Нам все равно — листы ли, листья, —
Как называется предмет,
Каким — не только для лингвистов —
Дышать осмелился поэт.

Не грамматические споры
Нас в эти чащи завлекли —
Глубокое дыхание бора
Целительницы земли.

* * *

Луна свисает, как тяжелый,
Огромный золоченый плод
С ветвей моих деревьев голых —
Хрустальных лиственниц, — и вот

Мне кажется — протянешь руку,
Доверясь детству лишний раз,
Сорвешь луну — и кончишь муку,
Которой жизнь пугает нас.

* * *

В часы ночные, ледяные,
Осатанев от маеты,
Я брошу в небо позывные
Семидесятой широты.

Пускай геолог бородатый,
Оттаяв циркуль на костре,
Скрестит мои координаты
На заколдованной горе.

Где, как Тангейзер у Венеры,
Пленный снежной наготой,
Я двадцать лет живу в пещере,
Горя единственной мечтой,

Что, вырываясь на свободу
И сдвинув плечи, как Самсон,
Обрушу каменные своды
На многолетний этот сон.

* * *

Я разорву кустов кольцо,
Уйду с поляны.
Слепые ветки бьют в лицо,
Наносят раны.

Роса холодная течет
По жаркой коже,
Но остудить горячий рот
Она не может.

Всю жизнь шагал я без тропы,
Почти без света.
В лесу пути мои слепы
И неприметны.

Заплакать? Но такой вопрос
Решать не надо.
Текут потоком горьких слез
Все реки ада.

Сосны срубленные

Пахнут медом будущие бревна —
Бывшие деревья на земле,
Их в ряды укладывают ровно,
Подкатив к разрушенной скале.

Как бесславен этот промежуток —
Первая ступень небытия,
Когда жизни стало не до шуток,
Когда шура ближе всех — своя.

В соснах мысли нет об увяданье,
Блещет светлой бронзою кора, —
Тем страшнее было ожиданье
Первого удара топора.

Берегли от вора, от пожара,
От червей горбатых берегли —
Для того внезапного удара,
Мщенья перепуганной земли.

Дескать, ждет их славная дорога —
Лечь в закладке первого венца,
И терпеть придется им немного
На ролях простого мертвеца.

Чем живут в такой вот час смертельный
Эти сосны испокон веков?
Лишь мечтой быть мачтой корабельной,
Чтобы вновь коснуться облаков.

* * *

Я, как Ной, над морской волною
Голубей кидаю вперед,
И пустынной белой странюю
Начинается их полет.

Но опутаны сетью снега
Ослабевшие крылья птиц,
Леденеют борта ковчега
У последних моих границ.

Нет путей кораблю обратно,
Он закован навек во льду, —
Сквозь метель к моему Арарату,
Задыхаясь, по льду иду.

* * *

Он сменит без людей, без книг,
Одной природе веря,
Свой человеческий язык
На междометья зверя.

Руками выроет ночлег
В хрустящих листьях шалых
Тот одичалый человек,
Интеллигент бывалый.

И выступающим ребром
Натягивая кожу,
Различья меж добром и злом
Определить не сможет.

Но вдруг, умывшись на заре
Водю ключевойю,
Поднимет очи на горе
И точно волк завоет...

* * *

Больного сердца голос властный
Мне повторяет сотый раз,
Что я живу не понапрасну,
Когда пытаюсь жить для вас.

Я, как пчела у Метерлинка,
Трудолюбивая пчела,
Которой вовсе не в новинку
Людские скорбные дела.

Я до рассвета собираю,
Коплю по капле слезный мед,
И пытке той конца не знаю,
И не отбиться от хлопот.

И чем согласней, чем тревожней
К бумаге просятся слова,
Тем я живу неосторожней
И горячее голова.

Июль

Все соловьи осоловели
И не рокочут ввечеру.
Они уж целых две недели
В плетеной нежатся постели
На охлаждающем ветру.

Колючим колосом усатым
Трясет раскормленный ячмень,
И день малиной ноздреватой,
Черносмородинным агатом
Синиц заманивает в тень.

Здесь сущий рай для птиц бездомных,
Для залетевших далеко,
Им от прохлады полутемной
В кустах, достаточно укромных,
Бывает на сердце легко.

И я шепчу стихи синицам,
Губами тихо шевеля,
И я разыгрываю в лицах —
В зверях, растениях и птицах,
Что сочинила мне земля.

Она к моей спине прижалась
И мне готова передать
Все, что в душе у ней осталось,
Всю нерастраченную малость,
Всю неземную благодать.

Жарой коробятся страницы,
Тетрадка валится из рук,
И в поле душно, как в больнице,
И на своих вязальных спицах
Плетет Ловушку мне паук.

И мотыльки щекочут щеку,
Перебивая мой рассказ,
И на ветру скрипит осока,
И ястреба кружат высоко,
Меня не упуская с глаз.

Гроза

Смешались облака и волны,
И мира вывернут испод,
По трещинам зубчатых молний
Разламывается небосвод.

По желтой глиняной корчаге
Гуляют грома кулаки,
Вода спускается в овраги,
Держась руками за пеньки.

Но в сто плетей дубася тело
Пятнистой, как змея, реки,
Гроза так бережно, умело
Цветов расправит лепестки.

Все то, что было твердой почвой,
Вдруг уплывает из-под ног,
И все земное так непрочное,
И нет путей, и нет дорог.

Пока прохожий куст лиловый
Не сунет руку сквозь забор,
И за плечо не остановит,
И не завяжет разговор.

И вот я — дома, у калитки,
И все несчастья далеки,
Когда я, вымокший до нитки,
Несу за пазухой стихи.

Гнездо стихов грозой разбито,
И желторотые птенцы
Пищат, познав крушенье быта,
Его начала и концы.

* * *

Скрипка, как желтая птица,
Поет на груди скрипача.
Ей хочется двигаться, биться,
Ворочаться у плеча.

Скрипач ее криков не слышит.
Немыми толчками смычка
Он скрипку все выше, все выше
Забрасывает в облака.

И в этой заоблачной выси —
Естественный климат ее,
Ее ощущение и мысли,
Земное ее бытие.

Но мы, возвращаясь к земному,
Добравшись по старым следам
К родному, знакомому дому,
Иное почувствуем там.

Мы чем-то высоким дышали,
Входили в заветную дверь
И многое людям прощали,
Чего не прощаем теперь.

Ночная песня

Бродят ночью волчьей стаей,
К сердцу крадутся слова.
Вой звериный нарастает,
Тяжелее голова.

Я запомнил их привычку
Подчинения огню.
Я возьму, бывало, спичку,
Их от сердца отгоню.

Изловлю в капкан бумажный
И при свете, при огне
Я сдеру с них шкуру даже
И распялю на стене.

Но едва глаза закрою
И загляну в темноту —
Вновь разбужен волчьим воем,
И опять невольно.

И не будет мне покоя
Ни во сне, ни наяву
Оттого, что этим воем,
Волчьим воем — я живу.

* * *

Я здесь живу, как муха, мучась,
Но кто бы мог разъединить
Вот эту тонкую, паучью,
Неразрываемую нить?

Я не вступаю в поединок
С тысячеруким пауком,
Я рву зубами паутину,
Стараясь вырваться тайком.

И, вполовину омертвелый,
Я вполовину трепещу,
Еще ищу живого дела,
Еще спасения ищу.

Быть может, палец человеческий
Ту паутину разорвет,
Меня сомнет и искалечит —
И все же на небо возьмет.

* * *

Он пальцы замерзшие греет,
В ладонь торопливо дыша,
Становится все быстрее
Походка карандаша.

И вот, деревянные ноги
Двигая, как манекен,
По снегу, не помня дороги,
Выходит на берег к реке,

Идет к полынье, где теченье
Ускорили родники.
Он хочет постигнуть значенье
Дыхания зимней реки.

И хриплым, отрывистым смехом
Приветствует силу свою.
Ему и мороз не по м е х а, —
Морозы бывают в раю.

* * *

Сломав и смяв цветы
Своим тяжелым телом,
В лесу свалился ты
Таким осиротелым,

Что некий грозный зверь
Открыл свою берлогу
И каменную дверь
Приотвалил немного.

Но что тебе зверья
Наивные угрозы,
Ему — твоя печаль,
Твои скупые слезы?

Вы явно — в двух мирах,
И каждый — сам собою.
Не волен рабий страх
Сегодня над тобою...

В пятнадцать лет

Хожу, вздыхаю тяжело,
На сердце нелегко.
Я дергаю ромашку
За белое ушко.

Присловья и страданья
Неистребимый ход,
Старинного гаданья
С ума сводящий счет.

С общипанным букетом
Я двери отворю,
Сейчас, сейчас об этом
Я с ней заговорю.

И Лида сморщит брови,
Кивая на букет,
И назовет любовью
Мальчишеский мой бред.

Фортинбрас

Ходят взад-вперед дозоры,
Не сводя солдатских глаз
С дальних спален Эльсинора,
Где ночует Фортинбрас.

Здесь фамильные портреты,
Притушив тяжелый взгляд,
Поздней ночью с датским ветром
Об убийстве говорят.

В спальне тихо скалит зубы
Победитель Фортинбрас
И сует усы и губы
В ледяной прозрачный квас.

Он достиг заветной цели,
Все пред ним склонилось ниц,
И на смертных спят постелях
Восемь действующих лиц.

Он не верит даже страже,
Сам выходит на балкон,
И готов с любым миражем
Завести беседу он.

Он не будет слушать глупых
Увещаний мертвеца,
Что ему наследство трупов,
Страсти сына и отца?

Что ему цветы Офелий,
Преступления Гертруд?
Что ему тот еле-еле
Сохранивший череп шут?

Он не будет звать актеров,
Чтоб решить загадку ту,

То волнение, в котором
Скрыла жизнь свою тщету.

Больше нет ни планов адских,
Ни высоких скорбных дум.
Все спокойно в царстве Датском,
Равнодушен моря шум.

Ходят взад-вперед солдаты,
В замке тишь и благодать.
Он отстегивает латы,
Опускаясь на кровать.

Лиловый мед

Упадет моя строка,
Как шиповник спелый,
С тонкой веточки стиха,
Чуть заледенелой.

На хрустальный, жесткий снег
Брызнут капли сока,
Улыбнется человек —
Путник одинокий.

И, мешая грязный пот
С чистотой слезинки,
Осторожно соберет
Крашенные льдинки.

Он сосет лиловый мед
Этой терпкой сласти,
И кривит иссохший рот
Судорога счастья.

Инструмент

До чего же примитивен
Инструмент нехитрый наш:
Десть бумаги в десять гривен,
Торопливый карандаш —
Вот и все, что людям нужно,
Чтобы выстроить любой
Замок, истинно воздушный,
Над житейскою судьбой.
Все, что Данту было надо
Для постройки тех ворот,
Что ведут к воронке ада,
Упирающейся в лед.

У крыльца

У крыльца к моей бумаге
Тянут шеи длинные —
Вопросительные знаки —
Головы гусиные.

Буквы приняли за зерна
Наши гуси глупые,
Та ошибка не зазорна
И не так уж грубая.

Я и сам считаю пищей,
Что сюда накрошено,
Что в листок бумаги писчей
Неумело брошено.

Все, что люди называли
Просто — добрым семенем,
Смело сеяли и ждали
Урожай со временем.

* * *

Так вот и хожу
На вершок от смерти.
Жизнь свою ношу
В синеньком конверте.

То письмо давно
С осени готово,
В нем всего одно
Маленькое слово.

Может, потому
И не умираю,
Что тому письму
Адреса не знаю.

* * *

Говорят, мы мелко пашем,
Оступаясь и скользя.
На природной почве нашей
Глубже и пахать нельзя.

Мы ведь пашем на погосте,
Разрыхляем верхний слой.
Мы задеть боимся кости,
Чуть прикрытые землей.

* * *

Ты смутишься, ты заплачешь,
Ты загредишь наяву,
Ты души уже не спрячешь —
По-июльскому — в траву.

И в лесу светло и пусто,
Своды неба высоки,
И листы свои капуста
Крепко сжала в кулаки.

Раскрасневшаяся осень
Цепенеет на бегу,
Поскользнувшись на откосе
В свежавыпавшем снегу.

* * *

Мне все мои болезни
Давно не по нутру.
Возьму я ключ железный
И сердце отопру.

Открою с громким звоном,
Со стоном и огнем,
Паду земным поклоном,
Заплачу о своем —

О всем, что жизнь хранила,
Хранила, хмурия бровь,
И вылила в чернила
Темнеющую кровь.

Химический анализ
И то не разберет,
Что вылилось, как наледь,
Не всасываясь в лед.

Борису Пастернаку

О тебе мы судим разное,
Или этот емкий стих
Только повод для соблазна,
Для соблазна малых сих.

Или он пути планетам
Намечает в той ночи,
Что возносится над светом
Догорающей свечи.

Может, в облике телесном,
В коже, мышцах и крови
Показалось слишком тесно
Человеческой любви.

Может, пыл иносказанья
И скрывает тот секрет
Прометеева страданья,
Зажигающего свет.

Может быть, тому порукой
Был огарок восковой,
Осветивший столько муки,
Столько боли вековой.

Зимний день

Свет как в первый день творенья —
Без мучительных светил
И почти без напряженья
Пресловутых вышних сил.

Будто светит воздух самый,
Отражая светлый лед,
И в прозрачной райской драме
Освещает людям вход.

Там стоят Адам и Ева,
Не найдя теплой угла,
Чем у лиственницы — древа
Знания добра и зла.

У костра

Все людское — мимо, мимо,
Все, что было, — было зря.
Здесь едино, неделимо
Птичье пенье и заря.

Острый запах гретой мяты,
Дальний шум большой реки.
Все отрады, все утраты
Равноценны и легки.

Ветер теплым полотенцем
Вытирает щеки мне.
Мотыльки-самосожженцы
В костровом горят огне...

Жил-был

Что ж, зажигай ледяную лампаду
Радужным лунным огнем.
Нынешней ночью и плакать не надо —
Я уж отплакался днем.

Нет, не шепчи и не бойся огласки,
Громко со мной говори.
Эту старинную страшную сказку
В тысячный раз повтори.

Голосом ночи, лунного света,
Горных обрывов крутых:
— Жил-был король, недостойный поэтов
И недостойный святых...

* * *

Копытят снег усталые олени,
И синим пламенем огонь костра горит,
И, примостившись на моих коленях,
Чужая дочь мне сказку говорит.

То, может быть, не сказка, а моление —
Все обо мне, не ставшем мертвецом,
Чтобы я мог, хотя бы на мгновенье,
Себя опять почувствовать отцом.

Берег ее от мора и от глада,
От клокотанья бледно-серых вьюг,
Чтобы весна была ее наградой,
Подарком из отцовских рук.

И в этом остром, слишком остром чувстве,
Чтоб мог его принять за пустыки,
Я никогда не пользуюсь искусством
Чужую грусть подмешивать в стихи.

И сердца детского волнения и трепет,
И веру в сказку в сумрачном краю,
Весь неразборчивый ребячий лепет
Не выдам я за исповедь свою.

* * *

Велики ручья утраты,
И ему не до речей:
Ледяною лапой сжатый,
Задыхается ручей.

Он бурлит в гранитной яме,
Преодолевая лед,
И холодными камнями
Набивает полон рот.

И ручья косноязычие
Не понятно никому,
Разве только стае птичьей,
Подлетающей к нему.

И взъерошенные птицы
Прекращают перелет,
Чтоб воды в ручье напиться,
Уцепясь на хрупкий лед.

Чтоб по горлу пробежала
Капля горного питья,
Точно судорога жалоб
Перемерзшего ручья.

Исполнение желаний

В избе дородная хозяйка,
Лоснящаяся, как зверь,
Кладет на койку балалайку
И открывает смело дверь.

Она встречает нас как надо,
Как полагается врагу,
Как героиня Илиады,
Она хватает острогу.

Но, приглядевшись к выраженью
Усталых лиц, голодных глаз,
Берет назад свое движенье
И не глядит уже на нас,

А, загремев в печи ухватом,
Горячий черпает нектар.
Щекочет ноздри ароматом
Густой качающийся пар.

И, как гомеровская баба,
Она могуча и сильна.
И нам, измученным и слабым,
Чудесной кажется она,

Когда, сменив в светце лучину,
Мурлыча песню, шерсть прядет,
И плечи кутает в овчину,
И вытирает жаркий пот.

И, засыпая над работой,
Не совладавши с дремотой,
Храпит, и в блеске капель пота
Преображается святой.

Мы дружно чавкаем над миской
И обжигаем супом рты,
И счастье к нам подходит близко,
И исполняются мечты.

* * *

Жизни, прожитой не так,
Все обрезки и осколки
Я кидаю на верстак,
Собирая с книжной полки.

Чтоб слесарным молотком
И зазубренным зубилом
Сбить в один тяжелый ком
Все, что жизнь разъединила.

И чтоб молот паровой
Утюгом разгладил за день,
Превратил бы в лист живой,
Без кровоточащих ссадин.

* * *

Все молчит — зверье и птицы,
И сама весна
Словно вышла из больницы —
Так бледна она.

В пожелтевшем, прошлогоднем
Травяном тряпье
Приползла в одном исподнем,
Порванном белье.

Из ее опухших десен
Выступает кровь.
Сколько было этих весен,
Сколько будет вновь?

* * *

Светотени доскою шахматной
Развернула в саду заря.
Скоро вы облетите, зачахнете,
Клены светлого сентября.

Где душа? Она кожей шагреневой
Уменьшается, гибнет, гниет.
Песня? Песня, как Анна Каренина,
Приближения поезда ждет.

* * *

Наклонись ко мне, кленовая
Ветка милая моя,
Будь негданной основою
Обновленья бытия.

Не твоя ли зелень клейкая
Так горька и горяча?
Ты нагнулась над скамейкою
Возле самого плеча.

Я шепчу признанья пылкие,
К твоему тянусь листу,
Что дрожит здесь каждой жилкою,
Ясно видной на свету.

* * *

Стихи — не просто отраженье
Больших событий в мелочах,
Они — земли передвиженья
Внезапно найденный рычаг.

Стихи — не просто озаренье,
Фонарь среди тьмы и темноты.
Они — настойчивость творенья
И неуступчивость мечты.

Стихи всегда — заметы детства
С вчерашней болью заодно,
Доставшееся по наследству
Кустарное веретено.

Аввакум в Пустозерске

Не в бревнах, а в ребрах
Церковь моя.
В усмешке недоброй
Лицо бытия.

Сложенъем двуперстным
Поднялся мой крест,
Горя в Пустозерске,
Блистая окрест.

Я всюду прославлен,
Везде заклеюмен,
Легендою давней
В сердцах утвержден.

Сердит и безумен
Я был, говорят,
Страдал-де и умер
За старый обряд.

Нелепостен этот
Людской приговор:
В нем истины нету
И слышен укор.

Ведь суть не в обрядах,
Не в этом — вражда.
Для божьего взгляда
Обряд — ерунда.

Нам рушили веру
В дела старины,
Без чести, без меры,
Без всякой вины.

И гнали на плаху,
Тащили в тюрьму,

Покорствуя страху
В душе своему.

Наш спор — не церковный
О возрасте книг,
Наш спор — не духовный
О пользе вериг.

Наш спор — о свободе,
О праве дышать,
О воле господней
Вязать и решать.

И аз, непокорный,
Читая псалтырь,
В Андроньевский черный
Пришел монастырь.

Я был еще молод
И все перенес:
Побои, и голод,
И светский допрос.

Там ангел крылами
От стражи закрыл
И хлебом со щами
Меня накормил.

Я, подвиг приемля,
Шагнул за порог;
В Даурскую землю
Ушел на восток.

Мне выжгли морозом
Клеймо на щеке,
Мне вырвали ноздри
На горной реке.

Настасья, Настасья,
Терпи и не плачь:
Не всякое счастье
В одеже удач.

Не слушай соблазна,
Что бьется в груди,
От казни до казни
Спокойно иди.

Здесь птичьего пенья
Никто не слышал,
Здесь учат терпенью
И мудрости скал.

Я — узник темничный:
Четырнадцать лет
Я знал лишь брусничный
Единственный цвет.

Но то не нелепость,
Не сон бытия,
Душевная крепость
И воля моя.

Закованным шагом
Ведут далеко,
Но иго мне — благо
И бремя легко.

Серебряной пылью
Мой след занесен,
На огненных крыльях
Я в небо внесен.

Тебе обещаю,
Далекая Русь,
Врагам не прощая,
Я с неба вернусь.

Пускай я осмеян
И предан костру,
Пусть прах мой развеян
На горном ветру.

Нет участи слаще,
Желанней конца,
Чем пепел, стучащий
В людские сердца.

* * *

Луна качает море.
Прилив. Отлив...
Качает наше горе
На лодке рифм.

Я рифмами обманут
И потому спасен.
Качаются лиманы,
И душен сон.

* * *

Придворный соловей
Раскроет клюв пошире,
Бросая трель с ветвей,
Крикливейшую в мире.

Не помнит божья тварь
Себя от изумленья,
Долбит как пономарь
Хваленья и моленья.

Свистит что было сил,
По всей гремя державе,
О нем и говорил
Язвительный Державин, —

Что раб и похвалить
Кого-либо не может.
Он может только льстить,
Что не одно и то же.

* * *

Жизнь — от корки и до корки
Перечитанная мной.
Поневоле станешь зорким
В этой мути ледяной.

По намеку, силуэту
Узнаю друзей во мгле.
Право, в этом нет секрета
На бесхитростной земле.

Жар-птица

Ты — витанье в небе черном,
Бормотанье по ночам,
Ты — соперничество горным
Разговорчивым ключам.

Ты — полет стрелы каленой,
Откровенной сказки дар
И внезапно заземленный
Ослепительный удар.

Чтоб в его мгновенном свете
Открывались те черты,
Что держала жизнь в секрете
Под прикрытьем темноты.

* * *

На этой горной высоте
Еще остались камни те,

Где ветер выбил письма,
Где ветер высек имена,

Которые прочел бы бог,
Когда б читать умел и мог.

* * *

Из тьмы лесов, из топи блат
Встают каркасы рая.
Мы жидкий вязкий мармелад
Ногами попираем.

Нам слаще патоки оно,
Повидло здешней грязи.
Пускай в декабрьское окно
Сверкает безобразье.

Как новой сказки оборот,
Ее преображенье.
Иных долгот, иных широт
Живое приближенье.

* * *

Кто, задыхаясь от недоверья,
Здесь наклоняется надо мной?
Чья это маска, личина зверья,
Обезображенная луной?

Мне надоело любить животных,
Рук человеческих надо мне,
Прикосновений горячих, потных,
Рукопожатий наедине.

* * *

Нынче я пораньше лягу,
Нынче отдохну.
Убери же с глаз бумагу,
Дай дорогу сну.

Мне лучи дневного света
Тяжелы для глаз,
Каменистый путь поэта
Людям не указ.

Легче в угольном забое,
Легче кем-нибудь,
Только не самим собою
Прошагать свой путь.

* * *

Где жизнь? Хоть шелестом листа
Проговорилась бы она.
Но за спиною — пустота,
Но за спиною — тишина.

И страшно мне шагнуть вперед,
Шагнуть, как в яму, в черный лес,
Где память за руку берет
И — нет небес.

* * *

Безобразен и бесцветен
Хмурый день под ветром серым.
Все живущее на свете
Разбежалось по пещерам.

И глядят там друг на друга
Люди, лошади, синицы, —
Все в один забившись угол,
Не хотят пошевелиться.

И на небе невысоком,
Что по пояс горной круче,
Синевой кровоподтека
Набегающие тучи...

* * *

Это все — ее советы,
Темной ночи шепотки,
Обещанья и приветы,
Расширявшие зрачки.

Это жизнь в лесу, вслепую
Продвиженье наугад
В темень черно-голубую,
В полуночный листопад,

Где шуршат, как крылья птицы,
Листья старых тополей,
Где на плечи мне садится
Птица радости моей.

Мак

Пальцами я отодвинул
Багровые лепестки,
Черное сердце вынул,
Сжал в ладоней тиски.

Вращаю мои ладони,
Как жесткие жернова,
И падают с тихим стоном
Капельками слова.

Мне старики шептали:
Горя людского знак
Этот цветок печали —
Русский кровавый мак.

Это — моя эмблема,
Выбранный мною герб,
Личная моя тема
В тених приречных верб...

* * *

Осторожно и негромко
Говорит со мной поземка,
Шелестит сухой снежок,

Чтобы я не верил тучам,
Чтобы в путь по горным кручам
Я отправиться не мог.

Позабывшая окошко,
Ближе к печке жметя кошка —
Предсказатель холодов.

Угадать, узнать погоду
Помогает лишь природа
Нам на множество ладов,

Глухари и куропатки
Разгадали все загадки,
Что подстроила зима.

Я ж искал свои решенья
В человечесем ощущенье
Кожи, нервов и ума.

Я считал себя надменно
Инструментом совершенным
Опознанья бытия.

И в скитаньях по распадкам
Доверял своим догадкам,
А зверью не верил я.

А теперь — на всякий случай —
Наташу побольше сучьев
И лучины наколю,

Потому что жаркой печи
Неразборчивые речи
Слушать вечером люблю.

Верю лишь лесному бреду,
Никуда я не поеду,
Никуда я не пойду.

Пусть укажут мне синицы
Верный путь за синей птицей
По торосистому льду.

* * *

Опоздав на десять сорок,
Хоть спешил я что есть сил,
Я улежся на пригорок
И тихонько загрустил.

Это жизнь моя куда-то
Унеслась, как белый дым,
Белый дым в лучах заката
Над подлеском золотым.

Догоняя где-то лето,
Затихает стук колес.
Никакого нет секрета
У горячих, горьких слез...

* * *

Да... Как все это было?
Ее вела река
Через заносы ила
И донного песка.

И вырублена грубо
Из цельного ствола
Огромнейшего дуба
Та лодочка была.

И берег был пологий,
А лодке — не пройти.
Трудны ее дороги,
Запутаны пути.

И лодка затонула,
Завязла глубоко,
На самом дне уснула,
От жизни далеко.

И камень лег на плечи,
И — с головы до ног —
От взглядов человеческих
Ее закрыл песок.

И через пять столетий
Той лодочки скелет
При звездном найден свете
И вытащен на свет.

Над ней пришел стараться,
Находчив, бодр и смел,
Профессор реставраций,
Знаток музейных дел.

И собрана без клея,
При синтезе наук,

Усилий не жалея,
Не покладая рук...

И видит археолог
Весы добра и зла:
Что лодка — не осколок
И вся она — цела.

Ту лодочку не надо
В архивный брать учет,
Реакцией распада
И проб на углерод.

В своей судьбе короткой
И днем, а не на дне
Еще способна лодка
Служить речной волне.

Плавка

Пушкой всем жаром изложения
Течет в изложницы металл —
Стихов бесшумного движенья
Тысячеградусный накал.

Пушкой, с самим собою в споре,
Так много тратится труда —
Руда, в которой примесь горя, —
Не очень плавкая руда.

Но я ее засыплю в строки,
Чтоб раскалилась добела,
Чтоб из огня густым потоком
Жизнь в формы слова потекла.

И в этой дерзостной отливке
Смиренье стали огневой
Хранит твоих речей обрывки
И затаенный голос твой.

Пень

Эти рассказы среза,
Биографию пня
Прочитало железо,
Что в руках у меня.

Это — свиток свершений
Заполярной судьбы,
Это — карта мишени
Для учебной стрельбы.

Слишком перечень краток
Наслоений годов,
Где тепла отпечаток
И следы холодов.

Перемят и закручен
Твой дневник Путевой,
Скрытый ворохом сучьев,
Порыжелой травой...

Будто скатана в трубку
Повесть лет временных
В том лесу после рубки
Среди сказок лесных.

Хрусталь

Хрупка хрустальная посуда,
Узорный рыцарский бокал,
Что, извлеченный из-под спуда,
Резьбой старинной заблистал.

Стекло звенит от колыханья,
Его волнуют пустяки —
То учащенное дыханье,
То неуверенность руки.

Весь мир от шепота до грома
Хотел бы высказаться в нем,
Хотел бы в нем рыдать, как дома,
И о чужом и о своем.

Оно звенит, стекло живое,
И может вырваться из рук,
И отвечает громче вдвое
На приглушенный сердца стук.

Одно неверное движенье —
Мир разобьется на куски.
И долгим стоном пораженья
Ему откликнутся стихи.

Мы там на цыпочках проходим,
Где счастье дышит и звенит.
Мы дружбу с ангелом заводим,
Который прошлое хранит.

Как будто дело все в раскопках,
Как будто небо и земля
Еще не слыхивали робких,
Звонящих жалоб хрусталя.

И будто эхо подземелий
Звучит в отчищенном стекле,
И будто гул лесной метели
На нашем праздничном столе.

А может быть, ему обещан
Покой, и только тишина
Из-за его глубоких трещин
Стеклу тревожному нужна.

Ястреб

С тоской почти что человеческой
По дальней сказочной земле
Глядит тот ястреб узкоплечий,
Сутулящийся на скале.

Рассвет расталкивает горы,
И в просветленной темноте
Тот ястреб кажется узором
На старом рыцарском щите.

Он кажется такой резьбою,
Покамест крылья распахнет,
И нас поманит за собою,
Пересекая небосвод.

Белка

Ты, белка, все еще не птица,
Но твой косматый черный хвост
Вошел в небесные границы
И долетал почти до звезд.

Когда в рассыпчатой метели
Твой путь домой еще далек
И ты торопишься к постели
Колючим ветрам поперек,

Любая птица удивится
Твоим пределам высоты, —
Зимой и птицам-то не снится
Та высота, где лазишь ты.

И, с ветки прыгая на ветку,
Раскачиваясь на весу,
Ты — акробат без всякой сетки
Предохраняющей в лесу,

Где, рассчитав свои движенья,
Сквозь всю сиреневую тьму
Летишь почти без напряженья
К лесному дому своему.

Ты по таинственным приметам
Найдешь знакомое дупло,
Дупло, где есть немножко света,
А также пища и тепло.

Ты доберешься до кладовки,
До драгоценного дупла,
Где поздней осенью так ловко
Запасы пищи собрала.

Где не заглядывает в щели
Прохожий холод ветровой,

И все бродячие метели
Проходят мимо кладовой.

Там в яму свалена брусника,
Полны орехами углы
По нраву той природы дикой,
Где зимы пусты и голы.

И, до утра луца орехи,
Лесная наша егоза,
Ты щуришь узкие от смеха,
Едва заметные глаза.

Лосенок

У лиственницы рыжей,
Проржавленной насквозь,
Мои ладони лижет
Губастый серый лось.

Ружья еще не слышал
И смерти не искал,
Ко мне навстречу вышел,
Спустился с дальних скал.

В лесу ему — раздолье,
Но в этот самый час
Встречаю я хлеб-солью
Его не в первый раз.

Он нынче здесь без старших,
Доверчив, бодр и смел —
Сюда стоверстным маршем
Лосенок прилетел.

В тайге нас только двое,
И нам дышать легко.
Наверно, все живое
Укрылось далеко.

И горя мы не знаем
И этот горный край
Всерьез считаем раем;
И чем бы он не рай?

* * *

В воле твоей остановить
Этот поток запоздалых признаний,
В воле твоей — разорвать эту нить
Наших воспоминаний.

Только — тогда разрывай до конца,
Чтобы, связавшая крепко вначале
Если не судьбы, так наши сердца,
Нить, как струна, зазвучала...

* * *

О. Неклюдовой

Незащищенность бытия,
Где горя слишком много.
И кажется душа твоя
Поверхностью ожога.

Не только грубостью обид,
Жестокостью суждений,
Тебя дыханье оскорбит,
Неловкий взгляд заденет.

И, очевидно, оттого
Совсем не в нашей воле
Касаться сердца твоего,
Не причиняя боли.

И тяжело мне даже стих
Бросать, почти не целясь,
В тех детских хитростей твоих
Доверчивую прелесть.

Черная бабочка

В чернила бабочка упала —
Воздушный, светлый, жданный гость.
И цветом черного металла
Она пропитана насквозь.

Я привязал ее за нитку,
И целый вечер у стола
Она трещала, как зенитка,
Остановиться не могла.

И столько было черной злости
В ее шумливой стрекотне,
Как будто ей сломали кости
У той чернильницы на дне.

И мне казалось: непременно
Она сердиться так должна
Не потому, что стала пленной,
Что крепко вымокла она,

А потому, что, черным цветом
Свое окрасив существо,
Она не смеет рваться к свету
И с ним доказывать родство.

Обогащительная фабрика

Мы вмешиваем быт в стихи,
И оттого, наверно,
В стихах так много чепухи,
Житейской всякой скверны.

Но нам простятся все грехи,
Когда поймем искусство
В наш быт примешивать стихи,
Обогащая чувство.

Гнездо орлицы

Гнездо твое не свито
И не утеплено
И веточками быта
Не переплетено.

Твои хоромы тесны,
Холодны и жестки
В вершинах скал отвесных
У берега реки.

Средь каменных расселин,
Обвитых лентой льда,
Куда не может зелень
Взобратся никогда, —

Твое гнездо, квартира,
Откуда видишь ты
Не меньше чем полмира
С надменной высоты.

Ты греешь камень мертвый
Своим живым теплом,
И когти твои стерты
Об острый камнелом.

* * *

Я жив не единым хлебом,
А утром, на холодке,
Кусочек сухого неба
Размачиваю в реке...

Гомер

Он сядет в тесный круг
к огню костра меж нами,
протянет кисти рук,
ловя в ладони пламя.

Закрыв глаза и рот,
подобье изваянья,
он медленно встает
и просит подаянья.

Едва ли есть окрест
яснее выраженья,
чем этот робкий жест,
почти без напряженья.

С собой он приволок
заржавленную банку,
походный котелок,
заветную жестянку.

Изгибы бледных губ
в немом трясутся плаче,
хлебать горячий суп —
коварная задача.

Из десен кровь течет,
разъеденных цингою —
признание и почет,
оказанный тайгою.

Он в рваных торбазах,
в дырявых рукавицах,
и в венчиках-слезах
морозные ресницы.

Стоит, едва дыша,
намерзшийся калека.

Поднимет не спеша
морщинистые веки.

Мирская суета —
не веская причина —
хранит молчанье рта,
зажав его в морщины.

И в голосе слышна
пронзительная сила,
и пенная слюна
в губах его застыла.

Он — музыка ли сфер,
гармонии вселенной?
Бродячий Агасфер,
ходячий труп нетленный?

Он славит сотый раз
падение нашей Трои.
Гремит его рассказ
о подвигах героя.

Гремит его рассказ
почти косноязычный,
гудит охрипший бас,
простуженный и зычный.

А ветер звуки рвет,
слова разъединяя,
пускает в оборот,
в народ перегоняя.

То их куда-то вдаль
забрасывает сразу,
то звякнет, точно сталь,
подчеркивая фразу.

Что было невпопад
иль слишком откровенно,
отброшено назад,
рассеяно мгновенно.

Вокруг гудит оркестр,
из лиственниц латунных
натянутый окрест,
как рафовые струны.

А ветер — тот арфист,
артист в таком же роде,
что вяжет вой и свист
в мелодию погоды.

Поет седой Гомер,
мороз дерет по коже.
Частушечный размер
гекзаметра построже.

Метелица метет
в слепом остервененьи.
Седой певец поет
о гневе и терпеньи,

о том, что смерть и лед
над песнями не властны.
Седой певец поет.
И песнь его — прекрасна.

Наедине с портретом

Ты молча смотришь со стены,
Боярыня Марина,
Залита пятнами луны,
Как стеарином.

Ты взглядом гонишь муть и хмарь
Бесовского веселья.
Дрожит наследственный янтарь
На ожерелье.

А может, это ложь луны,
И сквозь луны уловки
На шее явственно видны
Узлы веревки.

* * *

Нет, нет, не флагов колыханье,
С небес приспущенных на гроб, —
Чужое робкое дыханье
Его овеивает лоб.

Слова любви, слова разлуки
Щекочут щеки мертвецу,
Чужие горестные руки
Скользят по серому лицу.

Как хорошо, что тяжесть эту
Не ощутить уже ему,
В гробу лежащему поэту,
И не измерить самому.

Он бы постиг прикосновений
Красноречивейший язык,
Порыв бесстрашных откровений
В последний час, последний миг.

Лица разглажены морщины,
И он моложе, чем вчера.
А каковы смертей причины —
Об этом знают доктора.

Сосна в болоте

Бог наказал сосну за что-то
И сбросил со скалы,
Она обрушилась в болото
Среди холодной мглы.

Она, живая вполовину,
Едва сдержала вздох,
Ее затягивала тина,
Сырой багровый мох.

Она не смела распрямиться,
Вцепиться в щели скал,
А ветер — тот, что был убийцей, —
Ей руку тихо жал.

Еще живую жал ей руку,
Хотел, чтобы она
Благодарила за науку,
Пока была видна.

* * *

Меня застрелят на границе,
Границе совести моей,
И кровь моя зальет страницы,
Что так тревожили друзей.

Когда теряется дорога
Среди шетинящихся гор,
Друзья прощают слишком много,
Выносят мягкий приговор.

Но есть посты сторожевые
На службе собственной мечты,
Они следят сквозь вековые
Ущербы, боли и тщеты.

Когда в смятенье малодушном
Я к страшной зоне подойду,
Они прицелятся послушно,
Пока у них я на виду.

Когда войду в такую зону
Уж не моей — чужой страны,
Они поступят по закону,
Закону нашей стороны.

И чтоб короче были муки,
Чтоб умереть наверняка,
Я отдан в собственные руки,
Как в руки лучшего стрелка.

* * *

Ни шагу обратно! Ни шагу!
Приглушены сердца толчки.
И снег шелестит, как бумага,
Разорванная в клочки.

Сухой, вездесущий, летучий,
Он бьет меня по щекам,
И слишком пощечины жгучи,
Чтоб их отнести к пустякам...

* * *

Удача — комок нарастающей боли,
Что долго терпелась тайком,
И — снежный, растущий уже поневоле,
С пригорка катящийся ком.

И вот этот ком заслонят полмира,
И можно его превратить,
Покамест з и м а , — в обжитую квартиру
Иль — в солнце его растопить.

И то и другое, конечно, удача,
Закон, говорят, бытия —
Ведь солнцу решать приходилось задачи
Трудней, чем задача моя.

* * *

Я на спину ложусь
И вместе с целым светом
Я посолонь кружусь
Веселым этим летом.

Кругом меня — леса,
Земля же — за спиною.
Кривые небеса
Нагнулись надо мною.

Уже моя рука,
Дрожа нетерпеливо,
Вцепилась в облака,
В щетину конской гривы.

Я будто волочу
Весь мир сейчас с собою
И сизнова хочу
Зажить его судьбою.

40°

Хлебнувшие сонного зелья,
Давно улеглись в гамаки
И крепко в уснувшем ущелье
Крестовые спят пауки.

Журча, изменил выраженье
Ручья ослабевший басок,
И бабочки в изнеможенье
Ложатся плашмя на песок.

И с ними в одной же компании,
Балдея от банной жары,
Теряя остатки сознания,
Прижались к земле комары.

И съежились желтенькой астры
Тряпичные лепестки.
Но льдины — куски алебаstra,
Нетающие куски...

А я по таежной привычке
Сморозинный корень курю
И чиркаю, чиркаю спички
И сам с собой говорю...

Пегас

Остановит лошадь конный,
Дрогнет ветхое крыльцо,
Искажит стекло балкона
Отраженное лицо.

И протянет всадник руки
Прямо к ржавому замку,
Конь шарахнется в испуге,
Брошен повод на луку.

Вслед за солнцем незакатным
Он поскачет все вперед,
Он по мостикам накатным
Перейдет водоворот.

Ради жизни, ради слова,
Ради рыб, зверей, людей,
Ради кровью налитого
Глаза лошади своей.

Раковина

Я вроде тех окаменелостей,
Что появляются случайно,
Чтобы доставить миру в целости
Геологическую тайну.

Я сам — подобье хрупких раковин
Былого высохшего моря,
Покрытых вычурными знаками,
Как записью о разговоре.

Хочу шептать любому на ухо
Слова давнишнего прибоя,
А не хочу закрыться наглухо
И пренебречь судьбой любою.

И пусть не будет обнаружена
Последующими веками
Окаменевшая жемчужина
С окаменевшими стихами.

* * *

Мечта ученого почтенна —
Ведь измеренье и расчет
Сопровождают непременно
Ее величественный ход.

Но у мечты недостоверной
Есть преимущество свое:
Ее размах почти безмерный,
Ее небесное житье.

И можно ею лишь одною
Остановить солнцеворот, —
Всей силой сердца запасною,
Внезапно пущенною в ход.

И все физически не просто,
И человек в согласье с ней
Повыше собственного роста
И самого себя сильней.

О песне

1

Пусть по-топорному неровна
И не застругана строка,
Пусть неотесанные бревна
Лежат обвязкою стиха, —

Тепла изба моих зимовок —
Одноэтажный небоскреб,
Сундук неношенных обновок,
Глубоко спрятанный в сугроб,

Где не чужим, заемным светом,
А жарким углем рдеет печь,
Где не сдержать ничьим запретам
Разгорячившуюся речь.

2

И я, и ты, и встречный каждый
На сердце песню бережет,
А жизнь с такою жадной жаждой
Освобожденья песни ждет.

Та песня петь не перестала,
Не потонула в вое вьюг,
И струнный звон сквозь звон металла
Такой же чистый сеет звук.

На чем пиру ее похмелье?
Каким вином она пьяна?
На новоселье в подземелье
Она тайком приведена.

И может быть, всего уместней,
Во избежание стыда,
И не спрашивать о песне,
И не искать ее следа.

3

Не для анютиных ли глазок,
Не для лобастых ли камней
Я сочинил немало сказок
По образу четьих-миней?

Но все, что я шептал сердечно
Деревьям, скалам и реке,
Все, что звучало безупречно
На этом горном языке, —

Псалмы, элегии и оды,
Что я для них слагать привык, —
Не поддаются переводу
На человеческий язык.

Так в чем решенье той задачи?
Оно совсем не в пустяках, —
В том, чтоб тетрадь тряслась от плача
В любых натруженных руках.

И чтоб любитель просвещения,
Знаток глазастого стиха,
Ценил узорное тиснение
Зеленой кожи лопуха.

И чтоб лицо бросала в краску
От возмущенья и стыда
Земная горечь русской сказки
Среди беспамятного льда.

4

Весною все кричало, пело,
Река гремела возле скал,
И торопливо, неумело
В подлеске ландыш зацветал.

Но день за днем одно ненастье
И редкий жгучий солнца луч,
Как ослепительное счастье,
Порой выглядывал из туч.

За эти солнечные нити
Цветок цеплялся, как слепой,
И лез туда — в поток событий,
Готовый жертвовать собой.

И кое-как листы расправля,
И солнцу выйдя на поклон,
О славе думать был не вправе,
О слове просто думал он.

5

Так где же песня в самом деле?
Немало стоило труда,
Чтоб разметать слова в метели,
Их завалить кусками льда.

Но песня петь не перестала
Про чью-то боль, про чью-то честь,
У ней и мужества достало
Мученья славе предпочесть.

Она звучит в едином хоре
Зверей, растений, облаков,
Ей вторит Берингово море,
Стихия вовсе не стихов.

И на ветру скрипят ворота
Равнинных старых городов,
И песня выйдет из болота
И доберется до садов.

Пусть сапоги в грязи и глине,
Она уверенно идет,
И рот ее в лесной малине,
Сведенный судорогой рот.

Она оранжевою пылью
Покрыта с ног до головы,
Она стоит таежной былью
Перед заставами Москвы.

* * *

Она никогда не случайна —
Речная полночная речь.
Тебе доверяется тайна,
Которую надо сберечь.

Укрыть ее в склепе бумажном,
В рассказы, заметки, стихи,
Хранящие тайну отважно
До самой последней строки.

Но это еще не открытье,
Оно драгоценно тогда,
Когда им взрывают события,
Как вешняя злая вода.

Когда из-под льда, из-под спуда,
Меня рельеф берегов,
Вода набегает, как чудо
Расплавленных солнцем снегов.

* * *

...А лодка билась у причала,
И побледневший рулевой
Глядел на пляшущие скалы
И забывал, что он — живой.

И пальцы в боли небывалой,
Не ощущаемой уже,
Сливались с деревом штурвала
На этом смертном рубеже.

И человек был частью лодки,
Которой правил на причал.
И жизнь была, как миг, короткой
По счету тех земных начал,

Что, охраняя наши души,
Ведут меж обнаженных скал
И тех, кто только им послушен,
И тех, кто робости не знал.

Поэзии

Если сил не растрочу,
Если что-нибудь значу,
Это сила и воля — твоя.

В этом — песни значенье,
В этом — слов обличенье,
Немудренный секрет бытия.

Ты ведешь мою душу
Через море и сушу,
Средь растений, и птиц, и зверей.

Ты отводишь от пули,
Ты приводишь июли
Вместо вечных моих декаблей.

Ищешь верного броду,
Тащишь свежую воду
К моему пересохшему рту.

И с тобой обрученный,
И тобой облученный,
Не боясь, я иду в темноту.

И на небе — зарницы,
Точно перья жар-птицы
Неизвестных еще островов.

Это — мира границы,
Это — счастья крупницы,
Это — залежь сияющих слов.

* * *

От солнца рукою глаза затея,
Седые поэты читают меня.

Ну что же — теперь отступить невозможно.
Я строки, как струны, настроил тревожно.

И тонут в лирическом грозном потоке,
И тянут на дно эти темные строки...

И кажется, не было сердцу милей
Сожженных моих кораблей...

2

Шесть часов утра

Мне кажется: овес примят
Руками длинной тени
От разломившей палисад
Разросшейся сирени.

Я выверить хочу часы
По розовому свету
Тяжелой радужной росы
На листьях бересклета,

По задымившейся земле
В обочинах овражин,
По светоносной легкой мгле,
Приподнятой на сажень.

Я выверить хочу часы
По яростному свисту
Отбитой заново косы
В осоке серебристой,

По хриплой брани пастуха,
Продрогшего в тумане,
По клокотанию стиха
В трепещущей гортани.

1957, Переделкино

Ода ковриге хлеба

Накрой тряпьем творило,
Чтоб творчества игра
Дыханье сохранила
До самого утра.

Дрожжей туда! Закваски!
Пусть ходят до зари
В опаре этой вязкой
Броженья пузыри.

Пускай в кадушке тесной,
Пьянея в духоте,
Поищет это тесто
Исхода в высоте.

Пускай в живом стремленьи
Хватает через край,
Торопит превращенье
В пшеничный каравай.

И вот на радость неба,
На радость всей земле
Лежит коврига хлеба
На вымытом столе.

Соленая, крутая,
Каленная в жаре,
Коврига золотая,
Подобная заре.

1957

* * *

Я выходил на чистый воздух
И возводил глаза горе,
Чтоб разобраться в наших звездах,
Предельно ясных в январе.

Я разгадал загадку эту.
Я иероглифы постиг,
Творенье звездного поэта
Я перевел на наш язык.

Все записал я на коряге,
На замороженной коре,
Со мною не было бумаги
В том пресловутом январе.

1957

Ледоход

Не гусиным — лебединым
Напишу письмо пером,
Пусть бежит к тебе по льдинам
В половодье напролом.

Напишу и брошу в воду
Лебединое перо —
По ночному ледоходу
Засияет серебро.

И в такую холодину
Разобрать не сможешь ты,
Лебедь это или льдина
Приплывет из темноты.

Приплывет перо на скалы,
Ледяное, как звезда,
Никогда ты не слыхала
Лебединой песни льда.

Никогда ты не слыхала
Лебединой песни льда
В час, когда ночные скалы
Бьет весенняя вода.

50-е

Речные отраженья

Похожая на рыбу,
Плывущая река
О каменные глыбы
Уродует бока.

Светящееся тело
Чешуйчатой волны
Кольчугой заблестело
От действия луны.

Простейшие сравненья,
Которым нет числа,
Сейчас в стихотворенье
Мне полночь привела.

Имеют ли значенье
Вселенной огоньки
Для скорости течения
И уровня реки?

Что было так мгновенно
Водой отражено,
Воистину забвенно
И кануло на дно.

Навряд ли отраженье
Какой-нибудь звезды
Влияет на движенье
Катящейся воды.

1957

Шоссе

Дорога тянется от моря
Наверх по берегу реки,
И гнут хребты под нею горы,
Как под канатом — бурлаки.

Они проходят друг за другом
В прозрачных северных ночах.
Они устали от натуги,
У них мозоли на плечах.

Они цепляются руками
За телеграфные столбы
И вытирают облаками
Свои нахмуренные лбы.

Через овраги, через ямы,
Через болота и леса
Шагают горы вверх и прямо
И тащат море в небеса.

1957

Каменотес

Как грузчик в каменном карьере,
Морская трудится волна,
Ворчит и роется в пещере
И выгребает все со дна.

И день и ночь без всякой смены
Пересыпает, рушит, бьет,
В зеленой мгле, в соленой пене
Из глуби камни достает.

Так дышит грудь каменотеса,
Трудом взволнованная грудь.
Когда у скального откоса
Ложится море отдохнуть.

1957, Сухуми

Сестре

Ты — связь времен, судеб и рода,
Ты простодушна и щедра
И равнодушна, как природа,
Моя последняя сестра.

И встреча наша — только средство,
Предлог на миг, предлог на час
Вернуться вновь к залогам детства —
Игрушкам, спрятанным от нас.

Мы оба сделались моложе.
Что время? Дым! И горе — дым!
И ты помолодела тоже,
И мне не страшно быть седым.

Конец 50-х

Притча о вписанном круге

Я двигаюсь нынче по дугам,
Я сделался вписанным кругом.

Давно я утратил невольно
Свой облик прямоугольный.

И мне самому непонятно,
Что был я когда-то квадратным.

Я с детства был угловатым,
Во всем и за всех виноватым.

Углы мои — с детства прямые —
Я нес на дороги живые.

Мне было известно заране:
О камень стираются грани.

Скривился отчетливый угол,
И линия сделалась кругом,

Чтоб легче по жизни катиться,
А главное — не ушибиться.

Искавший ответа у молний,
Я стал осторожно безмолвным.

Всего я касался лишь краем
И стал чересчур обтекаем

В сравнении с бывшим собратом,
С другим неуклюжим квадратом.

Легко пифагорово время
Решило мою теорему.

Решило и доказало,
Со мной не стесняясь нимало.

Модели начерчены вьюгой,
Полярным магическим кругом:

Былого квадрата ненужность
Легко превратилась в окружность.

1957

Память

Если ты владел умело
Топором или пилой,
Остается в мышцах тела
Память радости былой.

То, что некогда зубрила
Осторожная рука,
Удержавшая зубило
Под ударом молотка,

Вновь почти без напряженья
Обретает каждый раз
Равновесие движенья
Без распорядженья глаз.

Это умное уменье,
Эти навыки труда
В нашем теле, без сомненья,
Затаились навсегда.

Сколько в жизни нашей смыто
Мощною рекой времен
Разноцветных пятен быта,
Добрых дел и злых имен.

Мозг не помнит, мозг не может,
Не старается сбегать
То, что знают мышцы, кожа,
Память пальцев, память плеч.

Эти точные движенья,
Позабывтые да в н о, —
Как поток стихотворенья,
Что на память прочтено.

1957

Некоторые свойства рифмы

Л. Тимофееву

Инструмент для равновесья
Неустойчивости слов,
Укрепленный в поднебесье
Без технических основ.

Ты — провиденье Гомера,
Трубадуровы весы,
Принудительная мера
Поэтической красоты.

Ты — сближенье мысли с песней,
Но, в усильях вековых,
Ты сложнее и чудесней
Хороводов звуковых.

Ты — не только благозвучье,
Мнемонический прием,
Если с миром будет случай
Побеседовать вдвоем.

Ты — волшебная наука
Знать, что мир в себе хранит.
Ты — подобье ультразвука,
Сверхчувствительный магнит.

Ты — разведки вдохновенной
Самopiшущий прибор,
Отразивший всей вселенной
Потаенный разговор.

Ты — рефлекс прикосновенья,
Ощущенье напоказ,
Сотой долею мгновенья
Ограниченный подчас.

Ты ведешь магнитный поиск
Заповедного следа
И в метафорах по пояс
Увязаеть иногда.

И, сменяя звуки, числа,
Краски, лица, облака,
Озаришь глубоким смыслом
Откровенье пустыка.

Чтоб достать тебе созвучья,
Скалы колются в куски,
Дерева склоняют сучья
Поперек любой строки.

Все, что в памяти бездонной
Мне оставил шар земной,
Ты машиной электронной
Поднимаешь предо мной.

Чтоб сигналы всей планеты,
Все пространство, все века
Уловила рифма эта,
Зарожденная строка.

Поводырь слепого чувства,
Палка, сунутая в тьму,
Чтоб нащупать путь искусству
И уменью моему.

Бивень

Когда утих стодневный ливень
И горы обрели язык,
Явился мамонтовый бивень,
Камнями выбеленный клык.

Он найден был в ущельях голых,
Едва расчищен был обвал,
И рассудительный геолог
Его сокровищем назвал.

И бивень древностью пещерной
В людской отправится музей,
Чтобы судьбой его ущербной
Залюбовался ротозей.

Чтоб по единой кости этой
Определялась бы без слов
Вся крепость мощного скелета,
Вся сила мускульных узлов.

Тот мамонт выл, дрожа всем телом,
В ловушке для богатырей,
Под визг и свист осатанелый
Полулюдей, полужверей,

Чьи сохли рты от жажды крови,
Чьи междометья, не слова,
Летели в яму в хриплом реве,
В косноязычье торжества.

Он, побиваемый камнями,
И не мудрец и не пророк,
А просто мамонт в смертной яме,
Трубящий в свой роландов р о г , —

Он звал природу на подмогу,
И сохло русло у реки,
И через горные отроги
Перемещались ледники.

1957

Вверх по реке

Челнок взлетает от рывков
Потоку поперек.
Вверх по течению веков
Плывет челнок.

Дрожит, гудит упругий шест,
Звонит струной,
Сама история окрест
Передо мной.

На устье — электронный мир,
Пришедший в города,
Шекспир, колеблющий эфир,
Тяжелая вода...

Еще недавно видел челн
Не цепи гор,
А золотых пшеничных волн
Земной простор.

Но мир кормилицы-земли —
Крестьянский быт —
Уже исчез внизу, вдали
И мглой покрыт.

Сейчас в охотничьем веку,
В глухой тайге
Я верю петле и силку,
Трехзубой остроге,

Шесту, что согнут словно лук,
Чтоб без весла
Был пущен тетивою рук
Челнок-стрела.

Уж недалек конец пути —
Реки исток,
И я назад могу идти
На веслах строк.

Чтоб к устью лодку привести
Речной волной
На историческом пути
Судьбы земной.

Ей даст дорогу пароход
В порту морском.
Возьется гидросамолет
Над челноком.

Челнок взлетает от рывков
Потоку поперек,
Вверх по течению веков
Плывет челнок...

1957

Ручей

Глубокие порезы
На ивовых корнях.
Ручей, как лист железа,
Грохочет на камнях.

С горы, с крутого гребня
Гремит вода ключа,
Как будто бы по щебню
Железо волоча.

По руслу-транспортру,
Сверкая сквозь кусты,
Торопятся под гору
Железные листы.

Как будто бы с вершины
Прокатный цех небес
Обрезками с машины
Заваливает лес.

1957

Радуга

Радужное коромысло,
Семицветный самоцвет,
На плече горы повисло —
И дождя на свете нет.

День решительно и бодро
Опустил к подножью гор
Расплескавшиеся ведра
Переполненных озер.

И забыла вся округа,
Как сады шуршат травой,
Как звенит дождя кольчуга,
Панцирь неба грозовой.

1957

Мой архив

Рукописи — береста,
Камни — черновики.
Буквы крупного роста
На берегу реки.

Мне не нужна бумага.
Вместо нее — леса.
Их не пугает влага:
Слезы, дожди, роса.

Дерево держит строки:
Желтый крутой затес,
Залитый светлым соком
Клейких горючих слез.

Вот надежно укрытый
Склад моего сырья,
Птицами позабытый,
Спрятанный от зверья.

1957

Закладка города

Трещат, как швейные машины,
И шины рвут грузовики,
И дышат запахом бензина
Открытые материки.

Уже пробиты магистрали,
Уже пробился в потолок
Еще застенчивый вначале
Печурки тоненький дымок.

Трусцою вдаль плетутся волки,
Устало свесив языки,
А росомахи втихомолку
Поглуше ищут уголки.

И только тучи комариной,
Где звон и стон, и визг и гнев,
Еще звучит напев старинный,
Звериный боевой напев.

1957

Прямой наводкой

Тороплюсь, потому что старею,
Нынче время меня не ждет,
Поэтическую батарею
Я выкатываю вперед.

Чтоб прицельные угломеры
Добирались до подлица,
Подхалима и лицемера,
Чернокнижника и лжеца.

Не отводит ни дня, ни часа
Торопящееся перо
На словесные выкрутасы,
Изготовленные хитро.

И недаром боятся люди,
Сторонящиеся меня,
Самоходных моих орудий
Разрушительного огня.

Кровь колотит в виски! Скорее!
Смерть не ждет! Да и жизнь не ждет!
Поэтическую батарею
Я выкатываю вперед.

1957

* * *

Огонь — кипрей! Огонь — заря!
Костер, внесенный в дом.
И только солнце января
Не смеет быть огнем.

Оно такое же, как встарь,
Внесенное в тайгу,
Оно похоже на янтарь,
Расплавленный в снегу.

А я — как муха в янтаре,
В чудовищной смоле,
Навеки в этом январе,
В прозрачной желтой мгле.

1958

* * *

Вот солнце в лесной глухомани
Течет в ледяное окно.
И кажется — сыплют в тумане
С небес золотое пшено.

В лесу, возле каждой тропинки,
На жестком и рыхлом снегу
Рассыпаны эти крупинки,
И я их собрать не могу.

1958

Кристаллы

Стекло обледенело,
Блестит резная запись,
В ночной метели белой
Скитается анапест.

Летят снежинки-строфы,
Где ямбы и хорей,
Как блески катастрофы
Разгрома в эмпирее.

Их четкое строенье
Еще с времен Гомера —
Точь-в-точь стихотворенье
Старинного размера.

Един закон сцепленья,
Симметрии вселенной,
Сложеня и деленья
И четкости отменной.

Снег падает устало,
Снежинки давят плечи,
Стихи — это кристаллы,
Кристаллы нашей речи.

1958

* * *

Я знаю, в чем моя судьба:
Чтоб рвали камни ястреба

И чтоб на узком челноке
Я поднимался по реке,

Чтоб трогала моя рука
В вершинах сопок облака,

Чтоб в темный воздух, как в платок,
Я завернул живой цветок,

Цветок, который я сорвал
С одной из побережных скал,

Цветок, что вырос на скале,
На неизмеренной земле.

1958

* * *

Покамест нет дороги льдинам
И тол не разорвал затор,
Поселок пахнет нафталином
И изморозь приходит с гор.

В привычный час ложится иней,
И тает он в привычный час,
И небосвод индиго-синий
Неутомимо давит нас.

И слышен тонкий запах тленья,
Весенний наступает час,
И прошлогодние растенья
Являются в последний раз.

1958

Паук

Запутать муху в паутину
Еще жужжащей и живой,
Ломать ей кости, гнуть ей спину
И вешать книзу головой.

Ведь паутина — это крылья,
Остатки крыльев паука,
Его повисшая в бессилье
Тысячелапая рука.

И вместо неба — у застрехи
Капкан, растянутый в углу,
Его кровавые потехи
Над мертвой мухой на полу.

Кто сам он? Бабочка, иль муха,
Иль голубая стрекоза?
Чьего паук лишился слуха?
Чьи были у него глаза?

Он притворился мирно спящим,
Прилег в углу на чердаке.
И ненависть ко всем летящим
Живет навеки в пауке.

1958

* * *

Я верю в предчувствия и приметы —
Науку из первых, ребяческих рук,
Я верю, как подобает поэту,
В ненужность жертвы, в ненужность мук.

Я верю, как подобает поэту,
В такое, что видеть не привелось,
В лучи тишины неизвестного света,
Пронизывающие насквозь.

Я верю: при косноязычье природы
Обмолвками молний показаны мне
Зигзаги путей в высоту небосвода
В покойной и праздничной тишине.

И будто всегда меня уносила
В уверенный сказочный этот полет
Молений и молний взаимная сила,
Подвального свода сломав небосвод.

1958

Виктору Гюго

В нетопленном театре холодно,
А я, от счастья ошалев,
Смотрю «Эрнани» в снежной Вологде,
Учусь растить любовь и гнев.

Ты — мальчик на церковном клиросе,
Сказали про тебя шутя,
И не сумел ты, дескать, вырасти,
Состарившееся дитя!

Пусть так. В волненьях поколения
Ты — символ доброго всегда.
Твой крупный детский почерк гения
Мы разбираем без труда.

1958

Лунная ночь

Вода сверкает как стеклярус,
Гремит, качается, и вот —
Как нож, втыкают в небо парус,
И лодка по морю плывет.

Нам не узнать при лунном свете,
Где небеса и где вода.
Куда закидывают сети,
Куда заводят невода.

Стекают с пальцев капли ртути.
И звезды, будто поплавки,
Ныряют среди вечерней мути
За полсажени от руки.

Я в море лодкой обозначу
Светящуюся борозду
И вместо рыбы наудачу
Из моря вытащу звезду.

1958

Ивы

Деревья надышались пылью
И поднимают шум чуть свет.
Лететь? На это нужны крылья,
А крыльев у деревьев нет.

Лишь плащ зеленый, запыленный
У каждой ивы на руке,
Пока дорогой раскаленной
Деревья движутся к реке.

И, опускаясь на колени,
Речную воду жадно пьют.
И сами жадно ищут тени,
Приют на несколько минут.

Их листья скрючены и ломки,
Они качают головой,
Остановясь на самой кромке,
На линии береговой...

1958

Слеза

Ты горячей, чем капля пота,
Внезапная моя слеза,
Когда бегущая работа
Осажена на тормоза.

И в размышленьях о бывалом,
И в сожаленьях о былом
Ты в блеске силы в мире малом
И мера слабости — в большом.

Ты можешь во мгновенье ока
С ресниц исчезнуть без следа.
Да, ты скупа, горька, жестока,
И ты — не влага, не вода.

Ты — линза для увеличенья
Невидимых доселе тел.
Ты — не примета огорченья,
А удивления предел.

1958

* * *

Ощутил в душе и теле
Первый раз за много лет
Тишину после метели,
Равномерный звездный свет.

Если б пожелали маги
До конца творить добро,
Принесли бы мне бумаги.
Спички. Свечку. И перо.

1958

Лицо

Нетрудно изучать
Игру лица актера,
На ней лежит печать
Зубрежки и повтора.

И музыка лица,
Послушных мышц движенье —
То маска подлеца,
То страсти выраженье.

Актер поднимет бровь
Испытанным приемом,
Изобразит любовь
Или разлуку с домом.

Сложней во много раз
Лицом любой прохожий,
Не передать рассказ
Его подвижной кожи.

Случайное лицо,
Где всё — полунамёком...
Морщинное кольцо,
Не замкнутое током...

Понятны лесть и месть,
Холопство и надменность,
Но силы нет прочесть
Лица обыкновенность.

1958

Пушкинский вальс для школьников

Зачем он очарован
Наташей Гончаровой?
Зачем ему так дорог высший свет?

Ему бы в секунданты
Шекспира или Данта —
Дантеса отвели бы пистолет.

Зачем ясна погода
Романовым в улогу?
Зачем не поднимается метель?

Метели бы летели
Препятствовать дуэли,
Любую загораживая цель.

Зачем мелки масштабы,
Зачем так люди слабы?
Зачем здесь не явился Аполлон?

Потребовал поэта
К священной жертве света, —
Не он сейчас потребовал, не он...

1958

Тропа

Тропа узка? Не спору.
Извилиста? Зато
Она выходит к морю,
На горное плато.

Натыканы цветочки
Нездешней красоты
В пружинящие кочки,
В железные кусты.

Чрезмерно сыровата,
По мнению людей,
Набухла мокрой ватой
От слез или дождей.

Чего уж старомодней
Одежда ей дана,
Листою прошлогодней
Засыпана она.

И хвои толстым слоем
Заглушены шаги,
И дышит все покоем,
Распадками тайги.

Вся выстланная мхами,
Безмолвие храня,
Тропа живет стихами
Со мной и для меня.

1958

Огниво

Как спичкой чиркают о камень,
Как бьют кресалом о кремь,
Так волны высекают пламя
И тушат пламя
Целый день.

Но приближается минута,
Отчетливая, как плакат, —
Подносят тучу вместо трута,
И загорается закат.

1958

* * *

Он тащит солнце на плече
Дорогой пыльной.
И пыль качается в луче
Бессильно.

И, вытирая потный лоб,
Дойдя до дома,
Он сбросит солнце, точно сноп
Соломы.

[*Конец 50-х*]

Басня про алмаз

Простой блистающий алмаз
Был мерой твердости для нас.

Ведь нет кислот и щелочей,
Какие гасят блеск лучей.

Но может измениться он,
Когда он будет накален.

И в безвоздушной духоте,
В мильонолетней темноте

Алмаз изменит внешний вид,
Алмаз расплющится в графит.

И вот алмазная душа
Горда судьбой карандаша.

И записать готов алмаз
Стихотворенье и рассказ.

1958

Черский

Голый лес насквозь просвечен
Светом цвета янтаря,
Искалечен, изувечен
Жестким солнцем января.

Там деревьям надо виться
И на каменном полу
Подниматься и ложиться,
Изгибаться вслед теплу.

Он рукой ломает слезы,
А лицо — в рубцах тайги,
В пятнах от туберкулеза,
Недосыпа и цинги.

Он — Колумб, но не на юге,
Магеллан — без теплых стран.
Путь ему заносит вьюга
И слепит цветной туман.

Он весной достигнет цели
И наступит на хребты
В дни, когда молчат метели
И когда кричат цветы.

Он слабеет постепенно,
Побеждая боль и страх,
И комок кровавой пены
Пузырится на губах.

И, к нему склоняясь низко,
Ждет последних слов жена.
Что здесь далеко и близко —
Не поймет сейчас она.

То прощанье — завещанье,
Завещанье и приказ,
Клятвенное обещанье,
Обещанье в сей же час

Продолжать его деянья —
Карты, подвиг, дневники,
Перевалам дать названья
И притокам злой реки.

Ключ к природе не потерян,
Не напрасен гордый труд,
И рукой жены домерен
Героический маршрут.

Он достойно похоронен
На пустынном берегу.
Он лежит со славой вровень,
Побеждающий тайгу.

Он, поляк, он, царский ссыльный,
В платье, вытертом до дыр,
Изможденный и бессильный,
Открывает новый мир,

Где болотные просторы
Окружил багровый мох,
Где конические горы
Вулканических эпох.

Горная минута

Так тихо, что пейзаж
Как будто нарисован —
Пастельный карандаш,
Перекричавший слово.

Беспечный человек,
Дивлюсь такому чуду,
Топчу нагорный снег,
Как битую посуду.

Здесь даже речки речь
Уму непостижима,
Туман свисает с плеч —
Накидка пилигрима.

Все яростно цветет
И яростно стареет,
Деревья ищут брод,
Спешат домой быстрее.

Спустились под откос
Беззвучно и пугливо.
А ястреб врос в утес,
В закраину обрыва...

1959

Устье ручья

Безвестный ручей,
Безымянный, ненужный,
Для наших ночей
Недостаточно южный,

Где чаек полет
И полярное лето,
Светящийся лед
Изумрудного цвета.

Забытый зимой
В недоступном ущелье,
Зимой самой
На моем новоселье,

Где прямо вперед
Через лед трехметровый
Летит водомет,
От заката багровый.

И, темной реки
Замедляя течение,
Бегут пузырьки
Огневого свеченья.

1959

Первый снег

Слякоть нынче схвачена морозом,
Как створоженное молоко.
Снег подобен падающим звездам,
И дышать по-зимнему легко.

Каждый звук отчетливый и громкий,
Слишком звонкий нынче на пруду.
Воробей на заберега кромке
Оступается на скользком льду.

Первые снежинки еле-еле
Все же долетают до земли.
Завтрашние белые метели
К нам еще добраться не могли.

1959

* * *

Стихи — это стигматы,
Чужих страданий след,
Свидетельство расплаты
За всех людей, поэт.

Искать спасенья будут
Или поверят в рай,
Простят или забудут.
А ты — не забывай.

Ты должен вечно видеть
Чужих страданий свет,
Любить и ненавидеть
За всех людей, поэт.

1959

* * *

Да, рукопись моя невелика, —
Родник, а не ручей и не река.

Подземный ключ не сдвинет валунов,
Не потрясет береговых основ.

И может течь, а может и не течь
Негромкая, прерывистая речь...

Но, впрочем, строчки — это не вода,
А глубоко залегшая руда.

Любой любитель, тайный рудовед,
По этой книжке мой отыщет след,

Нашупает под ржавым плитняком
Старательным старательским скребком.

1959

Нитроглицерин

Я пью его в мельчайших дозах,
На сахар капаю раствор,
А он способен бросить в воздух
Любую из ближайших гор.

Он, растворенный в желатине
И превращенный в динамит,
В далекой золотой долине,
Взрывая скалы, загремит.

И содрогнулся шнур бикфордов,
Сработал капсюля запал,
И он разламывает твердый,
Несокрушимый минерал.

Сердечной боли он — причина,
И он один лекарство мне —
Так разъяснила медицина
В холодной горной стороне.

1959

Кипрей

Там был пожар, там был огонь и дым.
Умерший лес остался молодым.

Ища следы исчезнувших зверей,
В лиловый пепел вцепится кипрей

И знаки жизни, что под цвет огня,
Раскинет у обугленного пня —

И воскресит таежную траву,
Зверей, и птиц, и шумную листву.

1959

Юго-Запад

Подъемный кран, как самоходка,
На гусеничном ходу
По окнам бьет прямой наводкой
И тихо кружится на льду.

Вполне военная картина,
Когда прожекторным огнем,
Как в штурмовую ночь Берлина,
Подсвечивают каждый дом.

Но этот бой — не разрушенье,
Не взрыв, а рост — и вширь и вверх,
Победоносное сраженье,
Где автогена фейерверк,

Где торопливое дыханье
Грузовиков и тягачей
И газосварки полыханье
Средь обесцвеченных ночей,

Где кислородные баллоны
Нужны как воздух для людей,
Крепящих арки и балконы
Сквозь хаос новых площадей.

Здесь каждый дом — как в магазине:
Новехонький со всех сторон,
И автошин шуршит резина,
И пахнет пихтою гудрон.

1959

Капля

Править лодкою в тумане
Больше не могу.
Будто я кружусь в буране
В голубом снегу.

Посреди людского шума
Рвется мыслей нить.
Своего мне не додумать,
Не договорить.

Капля с каплей очень схожи,
Падают они:
День за днем, как день прохожий,
День — калика переходный,
Каплют капли-дни.

Разве тяжче, разве краше,
Ярче всех других
Та, что переполнит чашу,
Чашу дней моих.

1960

* * *

Не спеши увеличить запас
Занесенных в тетрадь впечатлений,
Не лови ускользающих фраз
И пустых не веди наблюдений.

Не ищи, по следам не ходи,
Занимайсялюбою работой,—
Сердце сразу забьется в груди,
Если встретится важное что-то.

Наша память способна сама
Привести в безупречный порядок,
Все доставить тебе для письма,
Положить на страницы тетрадок.

Не смутись, — может быть, через год
Пригодится такая обнова —
Вдруг раскроется дверь и войдет
Долгожданное важное слово.

1960

* * *

Мне снова жажда вяжет губы
В сухом снегу,
Где белый лес играет в трубы
Во всю вьюгу.

И наст горит под скользкой лыжей.
Дымится снег.
Огонь все ближе, ближе, ближе,
И вот — ночлег.

И, ставя обе лыжи стоймя
К венцу избы,
Я постучу в окно спокойно
Рукой судьбы.

1960

* * *

Толпа гортензий и сирени
И сельских ландышей наряд —
Нигде ни капли смертной тени,
И вся земля — цветущий сад.

И майских яблонь пух летает,
Легчайший лебединый пух,
Неисчислимой белой стаей,
И тополя шуршат вокруг.

И ослепительное лето
Во все цвета и голоса
Гремит, не веря в смерть поэта,
И твердо веря в чудеса.

2 июня 1960 г. Переделкино

* * *

Будто выбитая градом,
Искалечена трава.
Вытоптана зелень сада
И едва-едва жива.

На крылечные ступени
Разбросали каблуки
Ветки сломанной сирени,
Глиняные черепки...

И последняя расплата,
Послесловье суеты:
Шорох киноаппарата,
Жестяных венков цветы...

2 июня 1960 г. Переделкино

Рояль

Видны царапины рояля
На желтом крашеном полу:
Наверно, двери растворяли,
Ворочали рояль в углу.

И он царапался когтями
И, очевидно, изнемог
В борьбе с незваными гостями,
Перешагнувшими порог.

И вот он вытасчен наружу,
Поставлен где-то у стены.
Рояль — беззвучное оружие
Необычайной тишины.

И все сейчас во власти вести,
Все ждут подобья чудесам —
Ведь здесь на том, рояльном, месте
Дух музыки почиет сам.

2 июня 1960 г. Переделкино

* * *

Орудье высшего начала,
Он шел по жизни среди нас,
Чтоб маяки, огни, причалы
Не скрылись навсегда из глаз.

Должны же быть такие люди,
Кому мы верим каждый миг,
Должны же быть живые Будды,
Не только персонажи книг.

Как сгусток, как источник света,
Он весь — от головы до ног —
Не только нес клеймо поэта,
Но был подвижник и пророк.

Как музыкант и как философ,
Как живописец и поэт,
Он знал решенье всех вопросов,
Значенье всяких «да» и «нет».

И, вслушиваясь в травы, в листья,
Оглядывая шар земной,
Он встретил много новых истин
И поделился со страной.

И, ненавидя пустословья,
Стремясь к сердечной простоте,
Он был для нас самой любовью
И путь указывал мечте.

1960

* * *

Часы внутри меня,
Волшебные часы,
Отмерить дозы дня
Незримые весы.

Проснусь я точно в час,
Намеченный вчера,
Хоть, не смыкая глаз,
Работал до утра.

Вселенная ведет,
Скрывая как секрет,
Тончайший этот счет —
Тысячелетний след.

И времени чутье —
Закон житья-бытья —
Мы знаем все: зверье,
Деревья, ты и я...

1961

Над старыми тетрадями

Выгорает бумага,
Обращаются в пыль
Гордость, воля, отвага,
Сила, сказка и быль.

Радость точного слова,
Завершеньетруда, —
Распылиться готова
И пропасть без следа.

Сколько было забыто
На коротком веку,
Сколько грозных событий
Сотрясало строку...

А тетрадка хранила
Столько бед, столько лет...
Выгорают чернила,
Попадая на свет

Вытекающей кровью
Из слабеющих вен:
Страстью, гневом, любовью,
Обращенными в тлен.

1962

* * *

Когда после разлуки
И сам еще не свой
Протягивая руки,
Встречаюсь с Москвой, —

Резины и бензина
Блаженство и уют,
Шуршат, щебечут шины,
Как зяблики поют.

На площади вокзальной,
Где стук, и крик, и звон,
Сливаются музыкальный,
Как бы единый тон.

Удерживая слезы,
На площади стою
И по старинной позе
Свой город узнаю.

Московский гул и грохот,
Весь городской прибой
Велением эпохи,
Сплетен с моей судьбой.

1962

* * *

О подъезды, о колонны
Разбивающийся дождь —
Будто ампул миллионы
Покрывают площадь сплошь.

Кислый дух автомобиля
И жилища перегар —
Все прибито вместе с пылью
И вколочено в бульвар.

Будто после треска, хруста
На поверженный пустырь,
Приводя природу в чувство,
Выливают нашатырь.

И полны глубокой веры
В приближенье синевы
Палисадники и скверы
И окраины Москвы.

1962

* * *

Летний город спозаранку
Проступает сквозь туман,
Как чудовищная гранка,
Свеженабранный роман.

Город пахнет той же краской,
Что газетные листы,
Неожиданной оглаской,
Суеверьем суеты.

И чугунные заборы
Знаменитого литья —
Образцы шрифтов набора
И узоров для шитья.

Утро все — в привычном чтенье
Зданий тех архитектур,
Что знакомы поколениям
Лучше всех литератур.

1962

* * *

В годовом круговращенье,
В возвращенье зим и лет,
Скрыт секрет стихосложения —
Поэтический секрет.

Это ритмика ландшафтов,
Самобытные стихи,
Что строчит неизвестный автор
Чернотала и ольхи.

Музыкален, как баллада,
Как чередование строк,
Срок цветенья, листопада,
Перелетов птичьих срок.

В смене грома и затишья,
В смене света и теней
Колесо четверостишья,
Оборот ночей и дней.

1962

* * *

Свяжите мне фуфайку
Из пуха тополей
Белее белой лайки
И севера белей,

Белее света даже
Васфальтовом дворе, —
Из этой светлой пряжи,
Крученной на жаре.

Волокон и событий
Начала и концы
Разматывают нити
Ребята-мудрецы.

Обрывками капрона
Усеяна земля,
Как и во время оно,
Седеют тополя.

Растрепанной кудели
Дымятся вороха,
Как след былой метели,
Пригодный для стиха.

Свяжите мне фуфайку
Из пуха тополей,
Белее белой лайки
И севера белей.

1962

Арктическая ива

Ива цветет, погруженная в снег,
Ива должна спешить
Жить здесь как птица, как человек,
Если решила жить.

Жить — значит, в талую землю успеть
Бросить свои семена,
Песню свою хоть негромко пропеть,
Но до конца, до дна.

1962

* * *

Не в Японии, не на Камчатке,
Не в исландской горячей земле, —
Вулканическая взрывчатка
На заваленном пеплом столе.

И покамест еще примененья
К отопленью сердец не нашло,
Застывает, утратив движенье,
Бередившее душу тепло.

1962

* * *

Поэзия — дело седых,
Не мальчиков, а мужчин,
Израненных, немолодых,
Покрытых рубцами морщин.

Сто жизней проживших сполна
Не мальчиков, а мужчин,
Поднявшихся с самого дна
К заоблачной дали вершин.

Познание горных высот,
Подводных душевных глубин,
Поэзия — вызревший плод
И белое пламя седин.

1962

* * *

Не удержал усилием пера
Всего, что было, кажется, вчера.

Я думал так: какие пустяки!
В любое время напишу стихи.

Запаса чувства хватит на сто лет —
И на душе неизгладимый след.

Едва настанет подходящий час,
Воскреснет все — как на сетчатке глаз.

Но прошлое, лежащее у ног,
Просыпано сквозь пальцы, как песок,

И быть живая поросла быльем,
Беспамятством, забвеньем, забытьем...

1963

* * *

Я вовсе не бежал в природу,
Наоборот —
Я звезды вызвал с небосвода,
Привел в народ.

И в рамках театральных правил
И для людей
В игре участвовать заставил
Лес-лицедей.

Любая веточка послушна
Такой судьбе.
И нет природы, равнодушной
К людской борьбе.

1963

* * *

Сосен светлые колонны
Держат звездный потолок,
Будто там, в садах Платона,
Длится этот диалог.

Мы шагаем без дороги,
Хвойный воздух как вино,
Телогрейки или тоги —
Очевидно, все равно...

1963

* * *

Я хочу, чтоб средь метели
В черной буре снеговой,
Точно угли, окна тлели,
Окна дальние горели
Ясной вехой путевой.

В очаге бы том всегдашнем
Жили пламени цветы
И чтоб теплый и нестрашный
Тихо зверь дышал домашний
Средь домашней темноты.

1963

* * *

Я не искал людские тайны,
Как следопыт.
Но мир изменчивый, случайный
Мной не забыт.

Тепло людского излученья
В лесной глуши,
Земные донные течения
Живой души.

И слишком многое другое,
О чем нет слов,
Вставало грозное, нагое
Из всех углов...

1963

* * *

Я думаю все время об одном —
Убили тополь под моим окном.

Я слышал хриплый рев грузовика,
Ему мешала дерева рука.

Я слышал крики сучьев, шорох трав,
Еще не зная, кто не прав, кто прав.

Я знал деревьев добродушный нрав,
Неоспоримость всяких птичьих прав.

В окне вдруг стало чересчур светло —
Я догадался: совершилось зло.

Я думаю все время об одном —
Убили тополь под моим окном.

1963

* * *

Да, театральны до конца
Движенья и манеры
Аптекаря, и продавца,
И милиционера.

В горячий праздник синевы
На исполинской сцене
Не без участия травы
Идет спектакль весенний.

И потому, забыв про боль,
Пренебрегая бором,
Подснежник тоже учит роль
И хочет быть актером.

Не на земле, не на песке,
А встав в воротах лета,
Зажатый в чьем-то кулаке
Образчиком букета.

1963

* * *

Вчера я кончил эту книжку
Вчерне.
Осадка в ней немного лишку
На дне.

В подножье строк или палаток
Гранит
Нерастворимый тот остаток
Хранит.

Стиха невозмутима мера —
Она
Для гончара и для Гомера
Одна.

1964

Таруса

Карьер известняка
Районного значенья,
И светлая река
Старинного течения.

Здесь тени, чье родство
С природой, хлебом, верой —
Живое существо,
А вовсе не химера.

Не кладбище стихов,
А кладезь животворный,
И — мимо берегов —
Поток реки упорный.

Хранилище стиха,
Предания и долга,
В поэзии Ока
Значительней, чем Волга.

Карьер известняка
Районного значенья,
И светлая река
Старинного течения.

1964

* * *

Я — северянин. Я ценю тепло,
Я различаю — где добро, где зло.

Мне нужен мир, где всюду есть дома,
Где белым снегом вымыта зима.

Мне нужен клен с опавшею листвою
И крыша над моею головой.

Я — северянин, зимний человек,
Я каждый день ищу себе ночлег.

1964

Топор

Орудие добра и зла,
Топор — древнее, чем пила,
И не прошла еще пора
Для тайной силы топора.

Кладется на ночь на порог,
Чтоб жизнь хозяина берег,
Чтоб отогнал топор врага,
Пока свирепствует пурга.

Но если им срубили гроб
Для жителя якутских троп,
Оленьих трактов, лайд, о з е р , —
В куски ломаем мы топор —
Даем нечистому отпор.

1964

* * *

Выщербленная лира,
Кошачья колыбель, —
Это моя квартира,
Шиллеровская щель.

Здесь нашу честь и место
В мире людей и зверей
Оберегаем вместе
С черною кошкой моей.

Кошке — фанерный ящик,
Мне — колченогий стол.
Клочья стихов шуршащих
Снегом покрыли пол.

Кошка по имени Муха
Точит карандаши,
Вся — напряженье слуха
В темной квартирной тиши.

1964

* * *

Б. Пастернаку

От кухни и передней
По самый горизонт
Идет ремонт последний,
Последний мой ремонт.

Не будет в жизни боле
Строительных контор,
Починки старой боли,
Крепления опор.

Моя архитектура
От шкуры до нутра
Во власти штукатурка,
Под игом маляра.

И плотничьи заплаты
На рубище певца —
Свидетельство расплаты
С судьбою до конца.

От кухни и передней
По самый горизонт
Идет ремонт последний,
Последний мой ремонт.

1964

* * *

Я иду, отражаясь в глазах москвичей,
Без ненужного шума, без лишних речей.

Я иду — и о взгляд загорается взгляд,
Магнетической силы мгновенный разряд.

Память гроз, отгремевших не очень давно,
Заглянула прохожим в зрачок, как в окно.

Вдоль асфальта мои повторяет слова
Победившая камень живая трава.

Ей в граните, в гудроне привычно расти —
Камень сопки ложился у ней на пути.

И навек вдохновила траву на труды
Непомерная сила земли и воды,

Вся чувствительность тропки таежной, где след
Иногда остается на тысячу лет.

1964

Живопись

Портрет — это спор, диспут,
Не жалоба, а диалог.
Сраженье двух разных истин,
Боренье кистей и строк.

Потоком, где рифмы — краски,
Где каждый Малявин — Шопен,
Где страсть, не боясь огласки,
Разрушила чей-то плен.

В сравненье с любим пейзажем,
Где исповедь — в тишине,
В портрете варятся заживо,
На странной горят войне.

Портрет — это спор с героем,
Разгадка его лица.
Спор кажется нам игрою,
А кисть — тяжелей свинца.

Уже кистенем, не кистью
С размаха художник бьет.
Сраженье двух разных истин.
Двух судеб холодный пот.

В другую, чужую душу,
В мучительство суеты
Художник на час погружен,
В чужие чьи-то черты.

Кому этот час на пользу?
Художнику ли? Холсту?
Герою холста? Не бойся
Шагнуть в темноту, в прямоту.

И ночью, прогнав улыбку,
С холстом один на один,
Он ищет свою ошибку
И свет или след седин.

Портрет это или маска —
Не знает никто, пока
Свое не сказала краска
У выбеленного виска.

1967

* * *

Грозы с тяжелым градом,
Градом тяжелых слез.
Лучше, когда ты — рядом,
Лучше, когда — всерьез.

С Тютчевым в день рожденья,
С Тютчевым и с тобой,
С тенью своею, тенью
Нынче вступаю в бой.

Нынче прошу прощенья
В послегрозовый свет,
Все твои запрещенья
Я не нарушу, нет.

Дикое ослепленье
Солнечной правоты,
Мненье или сомненья —
Все это тоже ты.

1968

* * *

Детский страх в тот миг короткий,
Расширяющий зрачки,
Принимает парус лодки
За акульи плавники.

Я бегу от этой сказки
Надвигающейся мглы
К материнской грубой ласке
В безопасные углы.

На печурку, на полати
Прячусь все еще живой,
В потолок моей кровати
Упираюсь головой.

1968

* * *

Быть может, и не глушь таежная,
А склад характера, призванье
Зовет признания тревожные,
Зовет незваные названья.

Автобусное одиночество
И ненамеренность дороги —
Приметы для предмета зодчества,
Для слов, разломанных на слоги.

Служить на маяке механиком,
Подмазывая ось вселенной,
Следя за тем, как люди в панике
Ее смещают постепенно.

Не труд машины вычислительной,
Оборванный на полуфразе,
А всех созвездий бег стремительный
В еще Колумбовом экстазе.

Природа славится ответами
На все вопросы роковые —
Любыми грозами, кометами,
Увиденными впервые.

Далекая от телепатии,
Воспитанная разумно,
Она лишь звездочета мантия,
Плащ серебристо-лунный.

1968

* * *

По старому следу сегодня уеду,
Уеду сквозь март и февраль,
По старому следу, по старому следу,
В знакомую горную даль.

Кончаются стежки мои снеговые,
Кончаются зимние сны,
И тают в реке, словно льдинки живые,
Слова в половодье весны.

1968

* * *

В лесу листок не шелохнется —
Такая нынче тишина.
Никак природа не очнется
От обморока или сна.

Ручей сегодня так бесшумен —
Воды набрал он, что ли, вот,
И сквозь кусты до первых гумен
Он не струится, а течет.

Обняв осиновую плаху
И навалясь на огород,
Одетый в красную рубаху,
Стоит огромный небосвод.

1969

* * *

Кто-то сердце крепко стиснет,
Окунет в огонь, в жару,
Ледяные волны Стикса
Преграждают путь перу.

Поразит меня, как лазер,
Обжигающ и колюч,
Оборвет на полуфразе
Невидимка — смертный луч.

Я присяду у порога,
Острый отразив удар,
Понемногу, понемногу
Отобьюсь от смертных чар.

И, уняв сердцебиенье,
Обманув судьбу мою,
Одолев оцепененье,
Продолжать свой путь встаю.

1969

* * *

Суеверен я иль нет — не знаю,
Но рубаху белую свою
Чистую на счастье надеваю,
Как перед причастьем, как в бою.

Асептическая осторожность —
Древняя примета разных стран,
Древняя заветная возможность
Уцелеть после опасных ран.

[60-е]

* * *

Волна о камни хлещет плетью
И, отбегая внутрь, назад,
На берег выстелется сетью,
Закинет невод наугад,

Стремясь от нового улова
Доставить самой глубине
Еще какое-нибудь слово,
Неслыханное на дне.

[60-е]

* * *

Как в фехтовании — удар
И защитительная маска, —
Остужен вдохновенья пар,
Коварна ранняя огласка.

Как в фехтовании — порыв
К ненайденному совершенству, —
Всех чувств благословенный взрыв,
Разрядки нервное блаженство.

[60-е]

* * *

Ручей питается в дороге
То родниками, то дождем
И через горные пороги
Проталкивается с трудом.

И, как при кровавом давлении,
Повышенном до глухоты,
Рекой в порывистом движении
Расшатывает мосты.

И где-нибудь в изнеможенье
Вода ложится на песок,
Почти без пульса, без движенья
Валяется у наших ног.

Ее и здесь зовут рекою.
Она сверкает как слюда,
Как воплощение покоя —
Горизонтальная вода.

[60-е]

* * *

Все осветилось изнутри.
И теплой силой света
Лесной оранжевой зари
Все было здесь согрето.

Внезапно загорелось дно
Огромного оврага.
И было солнце зажжено,
Как зажжена бумага.

[60-е]

* * *

Не чеканка — литье
Этой медной монеты,
Осень царство свое
Откупила у лета.
По дешевке кусты
Распродав на опушке,
Нам сухие листья
Набивает в подушки.
И, крошась как песок,
На бульвар вытекает,
Пылью вьется у ног
И ничем не блистает.
Все сдувают ветра
На манер завещанья,
Наступает пора
Перемен и прощанья.

1970

Воспоминание о ликбезе

Он — черно-белый, мой букварь,
Букварь моей судьбы:
«Рабы — не мы. Мы — не рабы» —
Вот весь его словарь.

Не мягкий ход полутонов:
«Уа, уа, у а », —
А обновления основ
Железные слова.

Я сам, мальчишка-педагог,
Сижу среди старух,
Старухам поднимаю дух,
Хоть не пророк, не бог.

Я повторяю, я учу,
Кричу, шепчу, ворчу,
По книге кулаком стучу,
Во тьме свечой свечу.

Я занимаюсь — сутки прочь!
Не ангел, не святой,
Хочу хоть чем-нибудь помочь
В сраженье с темнотой.

Я ликвидатор вечной тьмы,
В моих руках — букварь:
«Мы — не рабы. Рабы — не мы».
Букварь и сам — фонарь.

Сраженье с «чрез», и «из», и «без»,
Рассеянных окрест,
И называется «ликбез»,
Где Маша кашу ест.

И тихо слушает весь класс
Мне важный самому

Знакомый горестный рассказ
«Герасим и Муму».

Я проверяю свой урок
И ставлю балл судьбе,
Двухбалльной системой мог
Отметку дать себе.

Себе я ставлю «уд.» и «плюс»
Хотя бы потому,
Что силой вдохновенья муз
Разрушу эту тьму.

Людей из вековой тюрьмы
Веду лучом к лучу:
«Мы — не рабы. Рабы — не мы» —
Вот все, что я хочу.

1970

* * *

Моя мать была дикарка,
Фантазерка и кухарка.

Каждый, кто к ней приближался,
Маме ангелом казался.

И, живя во время оно,
Говорить по телефону

Моя мама не умела:
Задышалась и робела.

Моя мать была кухарка,
Чародейка и знахарка.

Доброй силе ворожила,
Ворожила доброй силе.

Как Христос, я вымыл ноги
Маме — пыльные с дороги, —

Застеснялась моя мама —
Не была героем драмы.

И, проехавши полмира,
За порог своей квартиры

Моя мама не шагала —
Ложь людей ее пугала.

Мамин мир был очень узкий,
Очень узкий, очень русский.

Но, сгибаясь постепенно,
Крышу рухнувшей вселенной

Удержать сумела мама
Очень прямо, очень прямо.

И в наряде похоронном
Мама в гроб легла Самсоном, —

Выше всех казалась мама,
Спину выпрямив упрямо,

Позвоночник свой расправля,
Суету земле оставя.

Ей обязан я стихами,
Их крутыми берегами,

Разверзающейся бездной,
Звездной бездной, мукой крестной...

Моя мать была дикарка,
Фантазерка и кухарка.

1970

Прачки

Девять прачек на том берегу
Замахали беззвучно руками,
И понять я никак не могу,
Что у прачек случилось с руками.

Девять прачек полощут белье.
Состязание света и звука
В мое детство, в мое бытие
Ворвалось как большая наука.

Это я там стоял, ошалев
От внезапной догадки-прозренья,
И навек отделил я напев
От заметного миру движенья.

1970

* * *

Летом работаю, летом,
Как в золотом забое,
Летом хватает света
И над моей судьбою.

Летом перья позвонче,
Мускулы поживее,
Все, что хочу окончить,
В летний рассвет виднее.

Кажется бесконечным
День — много больше суток!
Временное — вечным,
И — никаких прибауток.

1970

* * *

Как Бетховен, цветными мелками
Набиваю карман по утрам,
Оглушенными бурей стихами
Исповедуюсь истово сам.

И в моей разговорной тетради
Место есть для немногих страниц,
Там, где чуда поэзии ради
Ждут явленья людей, а не птиц.

Я пойму тебя по намеку,
По обмолвке на стертой строке,
Я твой замысел вижу глубокий
По упорству в дрожащей руке.

Дошепчи, доскажи, мой товарищ,
Допиши, что хотел, до конца
Черным углем таежных пожарищ
При лучине любого светца.

Чтоб, отбросив гусиные перья,
Обнажить свою высшую суть
И в открытые двери доверья
Осторожно, но твердо шагнуть.

Как Бетховен, цветными мелками
Набиваю карман по утрам.
Раскаленными угольками
Они светятся по ночам.

1972

Голенищев-Кутузов

Классик мелодекламаций,
Мастер тонкого письма,
Бедным рыцарем скитался.
Тяжела судьбы сума.

Слишком был тогда не к месту
Умирающий романс,
Жанру, жанру нету места,
Если вышел в путь роман.

Слишком был тогда не моден
Голенищева пиджак,
Обращения к природе
Осуждал любой и всяк.

Не найдя сочувствия Блока
По романсовым делам,
Он ошибся так жестоко,
Как жесток в романсе сам.

Не был пухлым, как Апухтин,
Он, отшельник и аскет,
В петербургской где-то бухте
Принял тихо смерти свет.

Он не проявил беспечность,
Крепко вывязал строку,
Подстерег он все же вечность,
Вечность на своем веку.

1973

* * *

Мир разглядывал он зорко,
Но имел грехи:
Далевские поговорки
Портили стихи.

Мы не очень дружим с Далем,
Ибо Даль
Унесет от ближней дали
Вдаль.

Вдаль от жизни, вдаль от темы,
От живой борьбы.
Как же нам писать поэмы,
Полные судьбы?

[70-е]

* * *

Л. Т.

Стихи — это боль, и защита от боли,
И — если возможно! — игра.
Бубенчики пляшут зимой в чистом поле,
На кончике пляшут пера.

Стихи — это боль и целительный пластырь,
Каким утишается боль,
Каким утешает мгновенно лекарство —
Его чудодейственна роль.

Стихи — это боль, это скорая помощь,
Чужие, свои — все равно,
Аптекарь шагает от дома до дома,
Под каждое ходит окно.

Стихи — это тот дополнительный градус
Любых человеческих страстей,
Каким накаляется проза на радость
Хранителей детских затей.

Рецептом ли модным, рецептом старинным
Фармакологических книг,
Стихи — как таблетка нитроглицерина,
Положенная под язык.

Среди всевозможных разрывов и бедствий
С облаткой дежурит поэт.
Стихи — это просто подручное средство,
Индивидуальный пакет.

1973

* * *

Коктебель невелик. Он родился из книг,
Из проложенной лоции к счастью.
Кормчий Кафы поймал ослепительный миг
И причалил, ломая ненастье.

Он направил корабль по весенней луне,
Уловив силуэт Карадага,
Он направил корабль по осенней волне
С безмятежной, бесстрастной отвагой.

Этот профиль луны на земле засечен
При создании нашей планеты,
Магматическим взрывом в науку включен,
И на лоции пойман, и людям вручен,
Словно дар фантазера-поэта.

Пусть потом за спиной и бурлит океан
И волнуется нетерпеливо, —
Гаснет боль от телесных, душевных ли ран
В этом ярко-зеленом заливе.

И пускай на Луне уж давно луноход,
А не снасть генуэзского брига,
И в историю вложен ракетный полет —
Космографии новая книга, —

Никогда, никогда не забудет земля,
Что тогда, в штормовую погоду,
Лишь по лунному профилю ход корабля
Он привел в эту малую воду.

1974

Из строф о Фете

Я вышел в свет дорогой Фета,
И ветер Фета в спину дул,
И Фет испытывал поэта,
И Фета раздавался гул.

В сопровождении поэта
Я прошагал свой малый путь,
Меня хранила Фета мета
И ветром наполняла грудь.

На пушке моего лафета
Не только Пушкина клеймо,
На нем тавро, отмета Фета,
Заметно Фетово письмо.

Нет мелочей в пере поэта,
В оснастке этого пера:
Для профессионала Фета
Советы эти — не игра.

Микроудача микромира
Могла в движенье привести,
Остановить перо Шекспира
И изменить его пути.

...Хочу заимствовать у Фета
Не только свет, не только след,
Но и дыханье, бег поэта,
Рассчитанный на много лет.

1974

* * *

Ветер по насту метет семена.
Ветер как буря и как война.

Горбится, гнется, колеблется наст:
Этих семян никому не отдаст.

Девственниц-лиственниц семена.
Неоплодотворенная тишина.

Что из того, что явилась весна,
Лиственниц этих лишая сна?..

[70-е]

* * *

Я поставил цель простую:
Шелестеть как листопад,
Пусть частично вхолостую,
Наугад и невпопад.

Я такой задался целью:
Беспрерывно шелестеть,
Шелестеть ледяной метелью,
Ледяные песни петь.

Я пустился в путь бумажный,
Шелестя, как листопад,
Осторожный и отважный,
Заменяя людям сад.

И словарик ударений
Под рукой моей всегда.
Не для словоговорений
Шелестит моя вода.

[70-е]

* * *

Мизантропического склада
Моя натура. Я привык
Удар судьбы встречать как надо,
Под крепкою защитой книг.

И всевозможнейшие скидки
Несовершенству бытия
Я делал с искренней улыбкой,
Зане — весь мир жил так, как я.

Но оказалось — путь познания
И нервы книжного червя
Покрепче бури мироздания,
Черты грядущего лова.

1976

Содержание

Несколько моих жизней	3
---------------------------------	---

1. Из «Колымских тетрадей» (Стихи 1937—1956 годов)

Стланик	11
«Я жаловался дереву...» *	13
«Не дождусь тепла-погоды...» *	14
«Все те же снега Аввакумова века...»	15
«Луна, точно снежная сойка...»	16
Серый камень	17
Наверх	18
Картограф	20
«Сыплет снег и днем и ночью...»	21
Каменя	22
«Чем ты мучишь? Чем пугаешь?...» *	23
«Модница ты, модница...»	24
«Не гляди, что слишком рано...» *	25
«В этой стылой земле, в этой каменной яме...» *	26
Баратынский	27
«Визг и шелест ближе, ближе...» *	28
Детское	29
Август	30
«Сотый раз иду на почту...»	31
«Февраль — это месяц туманов...»	32
«Скоро мне при свете свечки...» *	33
«Я, как рыба, плыву по ночам...»	34
«Память скрыла столько зла...» *	35
«Ты капор развяжешь олений...» *	36
«Не откроем песне двери...» *	37
«Засыпай же, край мой горный...» *	38

«Не старость, нет, — все та же юность...» . . .	39
«Зима уходит в ночь, и стужа...»	40
«Чтоб торопиться умирать...» *	41
«Цветка иссушенное тело...»	42
Суриков. «Утро стрелецкой казни»	43
Суриков. «Боярыня Морозова»	45
Перевод с английского *	46
«Он из окон своей квартиры...»	47
«Луна свисает, как тяжелый...» *	48
«В часы ночные, ледяные...» *	49
«Я разорву кустов кольцо...»	50
Сосны срубленные	51
«Я, как Ной, над морской волною...» *	52
«Он сменит без людей, без книг...» *	53
«Больного сердца голос властный...»	54
Июль	55
Гроза	57
«Скрипка, как желтая птица...»	58
Ночная песня *	59
«Я здесь живу, как муха, мучась...» *	60
«Он пальцы замерзшие греет...»	61
«Сломав и смяв цветы...» *	62
В пятнадцать лет	63
Фортинбрас	64
Лиловый мед	66
Инструмент	67
У крыльца	68
«Так вот и хожу...»	69
«Говорят, мы мелко пашем...» *	70
«Ты смутишься, ты заплачешь...» *	71
«Мне все мои болезни...» *	72
Борису Пастернаку	73
Зимний день *	74
У костра	75
Жил-был *	76
«Копытат снег усталые олени...» *	77
«Велики ручья утраты...»	78
Исполнение желаний *	79
«Жизни, прожитой не так...»	80
«Все молчит — зверье и птицы...» *	81
«Светотени доскою шахматной...» *	82
«Наклонись ко мне, кленовая...»	83
«Стихи — не просто отраженье...»	84
Аввакум в Пустозерске	85

«Луна качает море...» *	88
«Придворный соловей...» *	89
«Жизнь — от корки и до корки...»	90
Жар-птица	91
«На этой горной высоте...»	92
«Из тьмы лесов, из топи блат...» *	93
«Кто, задыхаясь от недоверья...» *	94
«Нынче я пораньше лягу...»	95
«Где жизнь? Хоть шелестом листа...» *	96
«Безобразен и бесцветен...» *	97
«Это все — ее советы...» *	98
Мак *	99
«Осторожно и негромко...»	100
«Опоздав на десять сорок...» *	102
«Да... Как все это было?...»	103
Плавка	105
Пень	105
Хрусталь	107
Ястреб	109
Белка	110
Лосенок	112
«В воле твоей остановить...»	113
«Незащищенность бытия...»	114
Черная бабочка	115
Обогатительная фабрика	116
Гнездо орлицы	117
«Я жив не единым хлебом...»	118
Гомер	119
Наедине с портретом *	122
«Нет, нет, не флагов колыханье...» *	123
Сосна в болоте	124
«Меня застрелят на границе...»	125
«Ни шагу обратно! Ни шагу!...» *	126
«Удача — комок нарастающей боли...»	127
«Я на спину ложусь...»	128
40°	129
Пегас	130
Раковина	131
«Мечта ученого почтенна...»	132
О песне	133
«Она никогда не случайна...»	136
«...А лодка билась у причала...»	137
Поэзии	138
«От солнца рукою глаза затеня...» *	139

Шесть часов утра	140
Ода ковриге хлеба	141
«Я выходил на чистый воздух...»	142
Ледоход	143
Речные отраженья	144
Шоссе	145
Каменотес	146
Сестре	147
Притча о вписанном круге	148
Память	150
Некоторые свойства рифмы	151
Бивень	153
Вверх по реке	155
Ручей	157
Радуга	158
Мой архив	159
Закладка города	160
Прямой наводкой	161
«Огонь — кипрей! Огонь — заря!..»	162
«Вот солнце в лесной глухомани...»	163
Кристаллы	164
«Я знаю, в чем моя судьба...»	165
«Покамест нет дороги льдинам...»	166
Паук	167
«Я верю в предчувствия и приметы...»	168
Виктору Гюго	169
Лунная ночь	170
Ивы	171
Слеза	172
«Ощутил в душе и теле...»	173
Лицо	174
Пушкинский вальс для школьников	175
Тропа	176
Огниво	177
«Он тащит солнце на плече...»	178
Басня про алмаз	179
Черский	180
Горная минута	182
Устье ручья	183
Первый снег	184
«Стихи — это стигматы...»	185
«Да, рукопись моя невелика...»	186

Нитроглицерин	187
Кипрей	188
Юго-Запад	189
Капля	190
«Не спеши увеличить запас...»	191
«Мне снова жажда вяжет губы...»	192
«Толпа гортензий и сирени...»	193
«Будто выбитая градом...»	194
Рояль	195
«Орудье высшего начала...»	196
«Часы внутри меня...»	197
Над старыми тетрадами	198
«Когда после разлуки...»	199
«О подъезды, о колонны...»	200
«Летний город спозаранку...»	201
«В годовом круговращенье...»	202
«Свяжите мне фуфайку...»	203
Арктическая ива	204
«Не в Японии, не на Камчатке...»	205
«Поэзия — дело седых...»	206
«Не удержал усилием пера...»	207
«Я вовсе не бежал в природу...»	208
«Сосен светлые колонны...»	209
«Я хочу, чтоб средь метели...»	210
«Я не искал людские тайны...»	211
«Я думаю все время об одном...»	212
«Да, театральны до конца...»	213
«Вчера я кончил эту книжку...»	214
Таруса	215
«Я — северянин. Я ценю тепло...»	216
Топор	217
«Выщербленная лира...»	218
«От кухни и передней...»	219
«Я иду, отражаясь в глазах москвичей...»	220
Живопись	221
«Грозы с тяжелым градом...»	223
«Детский страх в тот миг короткий...»	224
«Быть может, и не глушь таежная...»	225
«По старому следу сегодня уеду...»	226
«В лесу листок не шелохнется...»	227
«Кто-то сердце крепко стиснет...»	228
«Суеверен я иль нет — не знаю...»	229
«Волна о камни хлещет плетью...»	230
«Как в фехтовании — удар...»	231

«Ручей питается в дороге...»	232
«Все осветилось изнутри...»	233
«Не чеканка — литье...»	234
Воспоминание о ликбезе	235
«Моя мать была дикарка...»	237
Прачки	239
«Летом работаю, летом...»	240
«Как Бетховен, цветными мелками...»	241
Голенищев-Кутузов	242
«Мир разглядывал он зорко...»	243
«Стихи — это боль, и защита от боли...»	244
«Коктебель невелик. Он родился из книг...»	245
Из строф о Фете	246
«Ветер по насту метет семена...»	247
«Я поставил цель простую...»	248
«Мизантропического склада...»	249

Шаламов В. Т.
Ш 18 Стихотворения. — М.: Советский писатель,
1988. — 256 с.

ISBN 5—265—00085—2

Имя Варлама Тихоновича Шаламова (1907—1982) хорошо известно читателям. В эту книгу вошли его стихотворения разных лет. Значительная часть их публиковалась в прижизненных сборниках поэта («Огниво» — 1961, «Шелест листьев» — 1964, «Дорога и судьба» — 1967, «Московские облака» — 1972, «Точка кипения» — 1977). Ряд стихотворений печатается впервые.

4702010202—352

Ш ————— 246—88

083(02)—88

ББК 84 P7

Варлам Тихонович Шаламов

СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор В. С. ФОГЕЛЬСОН
Художественный редактор В. В. МЕДВЕДЕВ
Технические редакторы Н. Н. ТАЛЫКО и Н. В. СИДОРОВА
Корректор М. Б. СОРОКИНА

ИБ № 6700

Сдано в набор 28.04.88. Подписано к печати 19.08.88. А 03291. Формат 84X 108²/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Гаймс». Высокая печать. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 6,46. Тираж 30 000 экз. Заказ № 315. Цена 70 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11.

Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

70 коп.

Г